

НАШИ • ТАМ

ЕЛИЗАР ЛАЗОВСКИЙ

ПРОШЛАЯ
НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Наши там (Центрполиграф)

Елизар Лазовский

Прошлая настоящая жизнь

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Лазовский Е.

Прошлая настоящая жизнь / Е. Лазовский — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09163-5

Трое взрослых людей из современной России, случайно попав под темпоральный луч машины времени, оказываются заброшенными в СССР в собственные четырнадцатилетние тела. Как найти того, кто отправил их в 1977 год и мог бы вернуть назад в будущее? Троица берется за расследование, во время которого сталкиваются с многочисленными загадками и опасными препятствиями. Помогают им проверенные друзья, новые знакомые, а еще подозрительные личности и даже всемогущий КГБ. Но так многое произойдет за годы ожидания... Смогут ли они вернуться и захотят ли?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09163-5

© Лазовский Е., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Часть вторая	39
Глава 1	39
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елизар Лазовский

Прошлая настоящая жизнь

© Лазовский Е., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Автор категорически заявляет, что все герои и события, описанные в книге, являются плодом его воображения. Любые совпадения случайны, и автор не несет за них никакой ответственности. Особенно настойчиво автор утверждает, что образы ученых, описанных в книге, не имеют никакой связи с реально существующими учеными, работающими над проблемой перемещения во времени.

Пролог

Вечер встречи выпускников. Лидия любила на них ходить, хотя с каждым годом на таких встречах становилось все больше сюрпризов. Иногда трагических – кто-то не пришел, потому что нет его больше с нами... Иногда комичных – заходит лысый дядя в класс, близоруко щурится, спрашивает: «Где выпуск 1981 года, не подскажете?» А выпуск, вот он, в этом классе сидит и не признает в «лысине» какого-нибудь Толика или Андрюшку. Но чаще, конечно, приятных: «Ты уже дважды бабушка? А ничуть не изменилась!» И комплимент при этом почти совсем не фальшивый.

Они сидели в кабинете английского языка. Уже пересмотрели все старые фотографии и показали друг другу новые – свадьбы детей, крестины внуков. Шел тихий ностальгический разговор про то, как хорошо жили тогда.

– Никто сейчас не может объективно сравнить, когда лучше – тогда или сейчас. «Тогда» было больше сорока лет назад, многое забылось, многое покрылось розовым флером, – высказалась, как всегда, рассудительная Антонина.

– Скорее, розовой пылью! – с улыбкой поправила Нонна. Владение словом стало ее профессией, она работала учителем русского языка и литературы в соседней школе.

– О прошлом ностальгируют те, кто не смог приспособиться в новой жизни, – решительно рубанул правду-матку успешный предприниматель Николай.

– А я бы не отказалась очутиться хоть на денек в конце семидесятых, – сказала и смутилась собственной сентиментальности Лидия.

– Рассказать тебе анекдот о разнице между туризмом и эмиграцией? – склонившись к Лидиному уху, театральным шепотом спросила вредина Тонька.

– Знаю. Именно поэтому и говорю про денек-другой, не больше. Если когда-нибудь придумают машину времени, то, сколько бы ни стоила ее разработка, все средства окупятся моментально. Уверена, что от желающих наведаться в собственное детство отбоя не будет. Чур, я первая!

– О'кей, когда вернешься, собери нас, расскажи про впечатления. Может, я следующим в очередь встану, хотя отвык давно от очередей, – усмехнулся Николай.

– Вот-вот, а в нашем детстве их было полным-полно!..

Ни к чему не обязывающий треп прервала директриса, заглянувшая в класс:

– Хоть мне и жалко вас прерывать, но мы закрываем школу.

– Тамара Тихоновна, ну еще немного! – дружно занял класс.

– Время! Вы на часы смотрели?

Кто-то спохватился и убежал забирать на выходные внуков, кого-то уже целый час муж ждал в машине около школы. «Так, приводи сюда, познакомимся! Не надо нас бояться, мы девчата безобидные». А кто-то вечером в субботу оказался совершенно свободен. Сидели в кафе долго, разошлись за полночь. «А помните, здесь раньше кулинария была?»

Лидия, как преступник, бесшумно открыла дверь и с порога услышала богатырский храп мужа. Уже не таясь, разделась и стала готовиться ко сну. И, пристраиваясь на краешке кровати, которую всю в ее отсутствие оккупировал муж, Лидия загадала: «Вот бы посмотреть сон про школьное детство! Сегодня так много о нем говорили...»

Часть первая Троица

Глава 1

15 октября 1977 года

Черт бы всех побрал! Вот санитаром я еще никогда не работал. Три бездыханных тела «подними-перетащи». Инстинкт пищит: «Брось все как есть и смотайся от греха подальше; кто его знает, кого еще эта адская машина заденет». Послушать его, что ли?

– Ну и кому я сейчас это все объясняла? Всем, кроме Лиды? Ау! Вернись к нам. Лида, где ты витаешь?

Лидия подняла голову. Класс ржал в голос, как всегда с удовольствием используя любой повод отвлечься от урока. А рядом с ее партой в модном парике стояла Анна Сергеевна, их русичка, как всегда ухоженная, элегантная – с мужем-генералом это было не сложно. Она вообще-то не сердилась, Лидочка у нее всегда была на хорошем счету.

Кто? Анна Сергеевна? Она же умерла в начале двухтысячных! Это галлюцинация? Лида покрутила головой – она сидела в кабинете русского языка, за своей третьей партой, рядом – Наташка Малинкина, на курносом носу веселые конопушки, в жидких косичках коричневые бантики, за которые ее постоянно дергает Сережка Третьяк; вот и сейчас все развлекаются, а он серьезен – сосредоточенно пытается расплести Наташкину косичку. Кто усмехается, кто перешептывается. Седьмой класс. Господи, какие все мелкие! Торопливо опустила взгляд – она такая же, как все, на ней школьная форма, коричневое платье и черный фартук. Хорошо бы она смотрелась за партой в своих немалых габаритах, в джинсах и блестящей футболке!

Какая школьная форма? Какие джинсы? Лида энергично затрясла головой. Галлюцинация была качественная, стойкая, стряхиваться не хотела. «Что же со мной случилось? – подумала Лида. – Ничего не помню. Как я здесь очутилась? Почему я в детском теле? И какой это год? А! Это, наверное, сон! Я же загадала посмотреть сон про детство. Только как-то все очень натуралистично, сны такими не бывают».

Лида ущипнула себя за ногу – больно! Нет, не сон. И синяк к вечеру это подтвердит. Так что же случилось? Ведь происходило же что-то перед тем, как сюда попасть. Вспомнить! Срочно вспомнить все. Вдруг в голове начал нарастать назойливый гул, все громче и громче, пока не затопил собой все вокруг...

...Вокруг синий туман. Ничего не видно и не слышно. Прислушалась к себе – сердце бьет в грудной клетке, как игрушечный заяц по барабану; но ничего не болит. А и чему болеть, она не ощущала ни рук, ни ног, ни головы, только сердце заходило в дикой скачке. Начала накачивать паника. «Может, зря я очнулась», – подумала Лидия.

– Лидия Леонидовна, не бойтесь, все будет хорошо.

«О! Слышать могу!»

Она дернула головой, а голова все-таки есть, но в синем тумане никого не было, только голос.

– Что со мной?

«И говорить могу, тоже хорошо».

Только почему-то эти открытия не успокаивали. Синий туман обволакивал, придавливал, утягивал в свою синюю бездну.

– Где я? Что происходит? Что со мной случилось? – в панике, с усилием выныривая из страшной синевы, захлебываясь буквами, закричала Лидия.

– Пожалуйста, успокойтесь, я сейчас вам все объясню. – Все тот же голос. Приятный, спокойный и даже нарочито спокойный, таким голосом разговаривают со смертельно больными. Смертельно?! Лидию вдруг пронзил ужас, паника, вроде бы успокоившись, снова начала раскручивать свою спираль.

– Я что, умерла, что ли? Как же так, я ничего не понимаю, я ничего не помню. Как это случилось?

Кожей Лидия почувствовала замешательство своего визави, отчетливо уловила это, словно тонко настроенная космическая антенна, все ее шесть чувств сейчас были как оголенные провода.

– Поймите, Лидия Леонидовна, я не могу рассказать вам всего. Просто поверьте и соглашайтесь. Вторая жизнь – это, знаете ли... Мало кому делаются такие предложения.

Сбивчивая речь невидимого собеседника ясности не добавила. «Что он мелет? Какая вторая жизнь?»

– Вы предлагаете мне вторую жизнь? Значит, я угадала – я умерла!

Страшные слова запустили панику на третий круг.

– Лидия Леонидовна, успокойтесь и просто выслушайте меня, наконец!

И Лидия выслушала невидимого собеседника. Ну и предложение – вернуться в 1977 год, сохранив взрослое сознание! Поселиться в своем четырнадцатилетнем теле и получить в подарок прошлую память, все свои знания и умения и возможность прожить еще одну, новую, совсем другую жизнь.

– Все это прозвучало бы заманчиво для одинокого человека, а у меня в 2020 году есть семья: муж, старенькая мама, дочка с зятем и внучкой. Я хочу вернуться к ним. Мне не надо второй жизни, я хочу дожить свою первую, она мне вполне нравилась. Дважды в одну реку не войдешь.

– Я уже сказал вам, что дважды и не получится. Это будет новая река. Вы только представьте, какие возможности перед вами откроются!

– И представлять не хочу. Если я правильно поняла вас, то из своей жизни я исчезну. Как? Умру? Нет, я не хочу. Они будут страдать.

– Мне так жаль, но для своей семьи вы уже умерли. Ну, или точнее, вы просто исчезли из той действительности. Вашего тела там нет, хоронить нечего. Вас просто признают пропавшей без вести.

– Не-е-ет, – тихонько всхлипнула Лидия, уже устав от сильных эмоций. Паника вяло потащилась было на четвертый круг, но тут же сошла с дистанции. Потому что неожиданно Лидия просто закипела от злости! С каким удовольствием она сейчас дала бы по физиономии этому голосу, но в синем тумане нет ни рук, ни физиономий.

– Все люди смертны, смиритесь.

– Да пошли вы к черту! Я представить себе не могу, как буду жить, зная, что никогда не увижу мужа, дочку...

– Вашего мужа из прошлой жизни вы сможете увидеть, если захотите, – перебил ее голос, – но, говорю вам, здесь ничего не повторится. Это значит, что он не станет вашим мужем. И дочка, следовательно, не родится. Так чего зря страдать о невозможном? И не забывайте, мы обеспечим вам симбиоз детского и взрослого сознания. Вы – ребенок понятия не будете иметь про семью из прошлого, это поможет вам справиться. Мне очень жаль вас огорчать, но смиряйтесь, у вас нет выхода.

– А разве это возможно? А как мои сознания уживутся? Не сойдут ли с ума вместе или поодиночке? А чисто технически как это осуществляется?

– Ну, раз начались вопросы, значит, вы почти согласны?

– Да уж, умирать насовсем точно не хочется, вроде не старая еще.

– Конечно-конечно, Лидия Леонидовна, ну что вы: немного за пятьдесят – это современный бальзаковский возраст. О какой старости вы говорите!

«О, как старается! – Ее антенна уловила облегченный выдох все еще невидимого визави. – Почему ему так нужно, чтобы я согласилась?»

– Тогда небольшой инструктаж. – В его голосе появились уже нескрываемое облегчение и бодрые интонации победителя. – Как я уже сказал, вас переместят в ваше четырнадцатилетнее тело в 1977 год. Вы будете иметь возможность прожить еще одну жизнь. Но проживете вы ее совсем по-другому. Даже если захотите все повторить, то, как бы вы ни старались, у вас ничего не получится. Изменение временного континуума, понимаете ли... Да, и я обещаю, что ваши сознания конфликтовать не будут, наоборот, вы сможете убедиться в пользе такого симбиоза.

– Это у меня что же, будет раздвоение личности?

– Совсем нет, личность у вас будет одна. Просто она будет... многогранная. Ну-с, приступим?

– Да подождите, я же еще не согласилась.

– У нас мало времени!

В синем тумане нет времени, и Лидия не знала, сколько ей понадобилось, чтобы смириться. А какие у нее еще варианты? Навеки остаться здесь?

– И я не свихнусь со скуки, повторяя школьную программу? – Лидия уже поняла, что капитулирует.

– Нет, обещаю! – В голосе, который старался оставаться ровным и дружелюбным, уже проскальзывает нетерпение: наверное, она долго смирялась. – Все, процесс запущен! На подробности уже нет времени, как говорится, там сами все увидите. Еще несколько технических моментов – в 1977 год переместится все, что на вас и с вами.

Лидия опустила голову, но ничего, кроме синего тумана, не увидела. Но она хорошо помнила, что сегодня с утра надела на работу свои любимые джинсы, кроссовки, футболку и куртку; у нее в руках должны быть дамская сумка и два объемных пакета.

– А размеры? А технологии? Джинсы-то у меня пятидесятого размера и, на минуточку, стрейч! А таких технологий в 1977 году, наверное, еще не знают. А французская косметика у четырнадцатилетнего ребенка? А мобильный? А...

– Все адекватно трансформируется в момент перемещения, – перебивает ее... Кто?

И Лидия наконец задала вопрос, с которого следовало бы начать:

– Ой, а, собственно, кто вы?..

Вот, оказывается, что случилось! А она, дурочка, и вправду сначала решила, что это ее заказ на сон материализовался. Так это что ж, ее уже перебросили? Кто же это все-таки смог проделать? А главное, что же произошло, из-за чего ей пришлось перемещаться в прошлое? Гул в голове не утихал, она почувствовала, что побледнела. Последствия переброски? Лида огляделась еще раз – перемещение в 1977-й действительно произошло, и это не сон. «Господи, а как же мои ТАМ без меня остались?» На глаза навернулись слезы, Лиду бросило в жар. Невероятным усилием воли Лиде удалось сдержать себя. «А я ведь до конца не поверила, что такое перемещение возможно». И снова усилился гул. В голове гудело каждый раз, стоило Лиде подумать об этом треклятом перемещении во времени.

– Лида, как ты себя чувствуешь? – Анна Сергеевна с участием посмотрела на пылающие щеки девочки. – То краснеешь, то бледнеешь. Ты не заболела?

– Нет-нет. Все нормально, – ответила Лида и поняла, что не узнает свой голос, он стал совсем детским, хорошо хоть, не слишком писклявым.

– Тогда продолжаем урок. Егорушкин, к тебе это не относится, ты его и не начинал.

Класс дружно загоготал на сорок голосов, то есть на тридцать восемь – Егорушкин над собой смеяться отказался. А Лиде было не до смеха.

Анна Сергеевна у доски растолковывала тему «Предложения повествовательные, вопросительные, побудительные, восклицательные». Но Лиде было не до учебы. Она еще раз исподтишка огляделась. Невероятно, но она и вправду – четырнадцатилетний подросток. На парте лежали учебник, тетрадь, пенал. О, она помнила этот пенал очень хорошо – для того чтобы купить вожделенную серую пластмассовую коробочку с часиками и маленькими счетами на крышке, ей в прошлом году пришлось долго выковыривать монетки из керамической собачьей копилки, за что потом досталось от папы.

Родители! Ее папа жив. И маме всего чуть за сорок, и это гораздо меньше, чем ей самой в момент перемещения во времени.

В голове снова загудело. Хорошо, что прозвенел звонок на перемену. Ой, что за сумасшедший дом! Лида с непривычки даже оглохла от шума в коридоре, когда одновременно из всех дверей повалил орущий народ, словно прорвалась долго сдерживаемая дамба.

Школа, да, та самая, любимая, которую она, взрослая, продолжала иногда видеть во сне. На всякий случай, адаптируясь к давно забытому безобразию, Лида встала у стеночки. Тут же на нее налетела Наташка:

– Что с тобой? Ты чего стоишь? Следующая биология, нам на первый.

У Лиды закружилась голова. Не слишком ли много впечатлений для первого дня новой жизни? Как только прозвенел звонок на урок, она подошла к биологичке и, пока все носились по кабинету, рассаживаясь на места, пожаловалась старенькой доброй Ольге Петровне на самочувствие. «Домой, срочно домой. Прийти в себя, все обдумать, хоть пообвыкнуться немножко, нет-нет, сегодня она не готова провести весь день в школе».

– Тебе совсем плохо? Вид у тебя и правда болезненный.

– Похоже, я болеваю. – Чтобы учительница не усомнилась в ее плохом самочувствии, Лида лепетала больным голосом, почти при этом не кривя душой. И Ольга Петровна отправила ее домой.

– Тебя проводить? – шепнула Наташка, добрая душа.

Конечно, она предлагала свою помощь не бескорыстно – смотаться с урока по уважительной причине каждый был бы рад.

– Нет, не надо, я сама, – ответила Лида.

Ольга Петровна услышал перешептывание.

– Может быть, тебе нужна Наташина помощь? Она может проводить тебя.

– Нет-нет, спасибо, я сама.

Опустив голову и стараясь поменьше видеть и слышать, девочка вышла из класса, не замечая, как в спину ей упираются завистливые взгляды. Еще бы, это был второй урок, а значит, она весь день будет свободна.

Лида шла по притихшему коридору и не могла поверить своим глазам – школа, родная школа! Из перехода, который вел в столовую, доносился аромат теплой сдобы. У медкабинета стояла какая-то мелочь даже без октябрятской звездочки, первоклашка, наверное, и тряслась от страха – зубы, что ли, сегодня проверяют? В коридорах пусто и тихо, все на уроках. Обычная школьная жизнь, но как же, оказывается, Лида по ней соскучилась! Может быть, это не так и плохо, что ей выпал такой странный шанс!

Часы на первом этаже показывали полдесятого. Ну, все, домой. Но, подойдя к гардеробу, девочка растерянно огляделась. А кто ей подскажет, в чем она пришла? Зря волновалась, детские ноги без участия взрослой головы привели Лиду к стройным рядам одежды, руки

выхватили красное демисезонное пальто с синим вязаным воротником и такими же манжетами. Без малейших усилий Лида вспомнила (да она и не забывала, это называется симбиоз?), что это мама придумала так нарастить ставшие короткими рукава и украсить пальтишко. А еще шапочка и шарфик такого же цвета. «Возможно, по местным девчачьим меркам я даже модница, но, если посмотреть взрослым критическим взглядом, – голь на выдумки хитра».

До дома Лида дошла быстро, ее пятиэтажка стояла по соседству со школой. Оказывается, здесь, так же как и в прошлой жизни, теплая осень, береза напротив дома желтая и наполовину уже прозрачная. На лавочке у подъезда она посидела, щурясь на ласковом солнце; огляделась – второго здания школы, построенного в двухтысячных, нет, забор еще не тюремная сетка, а обычный невысокий бетонный. На месте соседнего высотного дома – ограждение стройки, из-за которого выглядывают только четыре этажа. Деревянная дверь в ее подъезд, как и во все другие, без домофона, деревянный же штакетник огораживает небольшой палисадник, где соседи с первого этажа посадили цветы и даже крыжовник. Удивило, что во дворе совсем нет припаркованных машин, ну да, личные автомобили сейчас роскошь, а не привычное для 2020 года средство передвижения. Несмотря на то что все утро сознание легко переключалось с детского на взрослое, сейчас взрослая половина Лиды разве что не дымилась от напряжения.

– Итак, я в 1977-м, – сказала она вслух, поверила сама себе и поняла, что, пожалуй, больше не злитесь на неведомого «перебросчика».

Ну что ж, пока действительно никаких противоречий, как он и обещал... Но кто же это, в конце концов, был? Ну, не Господь же Бог! В голове снова легкий гул. Нет, об этом она подумает завтра. Сегодня начнем с задач попроще – как попасть домой? Она открыла портфель, нашла ключи. Легкой четырнадцатилетней ланью взлетела на третий этаж.

Вдохнула родной запах – она дома! Все так, как она помнила. Прихожая, где трое не разойдутся, почему-то у них в семье было принято прихожую называть коридором, наверное, потому, что никакого другого коридора в малогабаритной квартире не существовало, две комнаты, пятиметровая кухонька. Разделась, бросила портфель на кресло, мимоходом отметив автоматизм многократно повторенного движения.

С чего же начать? Да вот хоть с датой определиться. На кухне – отрывной календарь. Папа всегда сам отрывал очередной листок и с интересом его прочитывал от корки до корки – когда восход, когда заход, долгота дня, интересные сведения, полезные советы, анекдоты. Так что можно не сомневаться, что сегодня 15 октября 1977 года, суббота. Суббота? «А что же я тогда делала в школе? – удивилась Лида. – Ах, ну да, у нас все десять лет была шестидневка. А где родители? К дяде Леше в гости, что ли, в такую рань пошли? Да нет, они ведь на работе! Их завод перевели на пятидневку только несколькими годами позже. Значит, я одна часов до трех. Ну, будем обживаться на новом-старом месте».

Для начала Лида подошла к большому зеркалу в коридоре и стала внимательно себя разглядывать. Результаты осмотра скорее порадовали, чем огорчили. Оказывается, она ничего так была. Почему же всегда в этом возрасте Лида считала себя гадким утенком? Да, волосы не мешало бы помыть, и уже давно пора подстричься, но цвет – блестящее вороново крыло, такого цвета краской не добиться; брови растут «неприлично густо», как в «Служебном романе» секретарша Верочка говорит. Значит, будем с этим бороться. Рейсфедером.

Что там еще интересного отразилось в зеркале? Глаза цвета незрелого фундука, почти зеленые. Ресницы длинные, черные и неприлично густые, но вот с этим она бороться точно не будет. Ноги могли бы быть и подлиннее. Зато талия не подкачала, и Лидия надеялась, что не подкачает и в будущем – в прошлой жизни талия оставалась с ней, даже когда она поправлялась сверх всякой меры. Длинные пальцы с длинными же ногтями, которые подстрижены вкривь и вкось – ладно, она займется маникюром потом. И напоследок – бюст. Четырнадцать лет, а уже полновесная единичка. Да, бюст, как тот нос из поговорки, что на семерых рос, а одной достался. В прошлом отрочестве Лидочка считала это большим, во всех смыслах, недо-

статком, глупышка. А что это за кулон висит на шее? Затеяливый орнамент, узоры складываются в крест. Лидия Леонидовна всегда нательный крестик носила, так это что, вместо него? Да, наверное, это и вправду бывший крестик. В советское время с религией было все очень сложно и вряд ли семиклассница могла без последствий, в открытую, носить крестик. «Что ж, буду носить кулон и помнить, что он на самом деле из себя представляет».

Лидочка оторвалась от зеркала – хватит нарциссизма, пора об учебе подумать! Достала дневник «ученицы 7-го класса «В» школы № 919 Симагиной Лиды». О! А сегодня третьим уроком ненавистная физика, а потом две физры. Вот и славно, она это время с большей пользой проведет. Но сначала интересно, что задали на понедельник? На «порешать» алгебру ушло минут десять, уравнения с одним неизвестным – это просто. Быстренько «накалякала» русский – пара упражнений на разные виды предложений. Ого, а по черк-то совсем детский, она уже и забыла, что у нее очень долго формировался свой почерк, вот сейчас период подражания Наташке. Почитала географию, оказалось интересно! На все про все у нее ушло минут двадцать. Пусть тридцать. Причем скучно не было, Лида делала домашку с реальным интересом, ручка так и порхала по тетрадкам. «Оказывается, обещанный симбиоз сознаний – это удобно».

У Лиды засосало под ложечкой – самое время подкрепиться. На кухне ласкал взгляд идеальными округлостями холодильник «ЗИЛ-Москва».

Там наверняка найдется что-нибудь вкусенькое. «Предчувствия его не обманули» – колбаса есть, вареная. Пока отрезала кусочек, Лидочку аж лихорадило от нетерпения. Как же! Сейчас она попробует самое вкусное, то, что родом из детства... Какая гадость, какая гадость эта ваша докторская колбаса! В этой пересоленной колбасе было просто неприлично много мускатного ореха: вот сколько мяса уперли в цехе, столько муската и соли доложили для веса. Ее мама вспоминала, что в шестидесятых в продуктовых магазинах стоял густой и вкусный колбасный дух. А в конце семидесятых Лида такого уже не застала. Да, в ее взрослом времени колбаса стала вкуснее, можете не соглашаться – как говорится, на вкус и цвет...

Глава 2

Что это? С перепугу Лида аж подпрыгнула от громогласного трезвона. Телефон! Пошла в большую комнату, где на тумбе швейной машины стоял громоздкий серый аппарат. Параллельный телефон в ее комнату проведут еще не скоро.

– Аллю!

– Чего делаешь? – Это Нинка Алимова. Уже дома, значит.

– Да так, ничего не делаю. А ты что так рано вернулась?

– Я с физры ушла, мне сегодня нельзя. Я чего звоню – сходим со мной в магазин? Меня за сметаной в «Милицейский» посылают. Соседка маме сказала, что сегодня там сметана густая, неразбавленная. Или ты правда заболела? Наши никто тебе не поверил, с утра ж была здоровая.

– Да я нормально, температуры нет, все прошло, не знаю, что это было. А в магазин – давай сходим.

Лида помнила, что поодиночке в магазины в ее школьном детстве ходили редко, обычно дуэтом, трио, а то и квартетом.

– Ща, поем только и перезвоню. – Нинка бросила трубку.

Может, и ей поесть все-таки? Лида отрезала кусочек черного хлеба, посолила, а сверху – душистого подсолнечного масла. Вкуснотища! Изжога? Что это такое?

...А еще переодеться бы, она до сих пор в школьной форме. В детстве форму Лида всегда носила с удовольствием, часто снимая только вечером, а не сразу после школы, еще и потому, что особо надеть было нечего и школьное платье часто заменяло ей платье домашнее. Теперь власть поменяется – пообещала себе Лида. Коричневое платье, белые кружевные манжеты и воротник-стойка. Глупо хихикая, Лида разглядывала коричневые хлопковые колготки с изрядными пузырями на коленках. Да, такие колготки она носила долго, все детство, и еще будет носить весь седьмой класс, только с восьмого класса мама стала покупать ей эластичные.

Во что же переодеться? Лида открыла шкаф и обомлела. На полке лежали кримпленовые брючки клеш пронзительно-василькового цвета. Откуда? У нее таких никогда не было, она бы запомнила. Ха! Да, это же бывшие джинсы! Трансформация сквозь время в действии? Рядом футболка, самая простая, белая, скучная. А блески в континууме оторвались? Ладно, сгодится на что-нибудь. А что вместо куртки? На вешалке в коридоре Лида нашла нечто серое, болоньевое – ни цвета, ни фасона. Дела как в сказке – чем дальше, тем страшнее. А где же кроссовочки? Вот эти кеды? Новенькие, синие с белой резиновой подошвой. Ади Даслеру только не надо показывать это достижение советской обувной промышленности!

В нижнем отделении секретера нашлось то, что раньше было ее дамской сумочкой, только узнать ее было невозможно. С трудом Лида догадалась, что самодельная хозяйственная сумка из какой-то мрачной парусины – это и есть бывшая замшевая сумочка цвета фуксии. Обидно, но в этом была своя историческая правда – других сумок в этом возрасте у Лиды никогда не было. Интересно, что внутри; где-то там должно лежать элегантное дамское портмоне. В сумке лежал кошелек. Самый обыкновенный, дерматиновый конвертик на кнопке, только очень толстый. От чего это его так раздуло, неужели от денег? Во взрослом портмоне Лидии Леонидовны почти не было наличных, рублей семьсот с мелочью, а что здесь? Нетерпеливыми руками Лидочка пересчитала сотенные купюры с Лениным – семь штук, а еще несколько червонцев, пятерки, рубли и одна монета в пятьдесят копеек. «Какой странный у этого обменника курс – один к одному?! Да я сейчас самая обеспеченная шестиклассница в своей школе, да что там в школе – в районе, да нет, в городе!» А еще стопка цветных фантиков – это скидочные карты, что ли? – догадалась Лида. Она прошерстила кошелек еще раз, но больше там ничего не было. А как же карта Альфа-банка с только что перечисленной зарплатой? Видимо, эта карта сейчас один из фантиков. Пропала! Ну конечно, такого банка в 1977 году ведь не было.

Эй, алле! А косметичку вернете? Лида порылась в сумке. Нашла ситцевую косметичку, а в ней – губная помада в белом пластмассовом тюбике, голубые тени в круглой коробочке, и тушь в черной картонке (ленинградская, при использовании наплевать), и розовый лак для ногтей, и даже компактная пудра, правда, в кондовом пластмассовом корпусе без зеркала. В семидесятых это был просто парфюмерный клад, но четырнадцатилетней советской школьнице всем этим еще рано пользоваться, в школу не пустят, умоют прямо под краном холодной водой, к гадалке не ходи. Что с этим делать? «Двоюродной сестре отдам! Ей можно, она взрослая, уже двадцать один год, – придумала Лида. И напоследок полюбовалась вишенкой на торте всего этого богатства – солнечные очки очуметь какой ретрокрасоты. – А, это мои рабочие очки от дальнорзости!»

Лида снова подпрыгнула от телефонного звонка. Это была Нинка.

– Я готова, заходи за мной. Слушай, а у тебя лишней баночки нет?

– Баночки?

– Ну да, под сметану.

Лиду вопрос застал врасплох, она совсем забыла, что в этом времени сметана продавалась на развес. Обычно у нее в семье сметану покупали по триста граммов, сметана стоила за килограмм 1 рубль 70 копеек, баночка выходила – 51 копейку.

– Наверное, найду.

– Тогда через пять минут у моего подъезда.

А переодеться Лида так и не успела.

Люблино. Любимое Люблино. Уже октябрь, но тепло, видимо, последние деньки бабьего лета в этом году... Они шли по тому самому Люблино из ее детства, что снилось ей на протяжении всей жизни. Желтые двухэтажные домики, которые строили после войны немецкие военнопленные, кирпичные пятиэтажки, один-единственный на несколько кварталов девятиэтажный дом около ее бывшего детского садика – небоскреб! А сколько зелени. Сирени, акации, вишни, кусты смородины и крыжовника в палисадниках – настоящее Люблино-Дачное, как называлась когда-то платформа Курского направления. Это все еще оставался тихий подмосковный, очень провинциальный городок, несмотря на то что Люблино присоединили к Москве еще в 1960 году. Господи, как хорошо! Сверху голубая гладь, внизу желтое кружево. Лида вдыхала пряно-горький аромат осенних листьев, и этот запах щемил и будоражил одновременно. Кровь бурлила, как от лимонадных пузырьков, Лидочка казалась себе воздушным шариком. Идти было легко, она бы сейчас на одной ножке прыгала всю дорогу. Организм был в восторге от вернувшейся гибкости и легкости...

Сметана действительно была густая, не соврала соседка, чаще бывает, что ее разбавляют дешевым кефиром; сметана из Лидиных детских воспоминаний всегда была жидко-тягучей. Но в магазине Лида едва не сделала такой промах, который мог бы совершить только плохо подготовленный иностранный разведчик. Как быстро забыла Лида, что в ее детстве в магазине сначала, отстояв очередь в отдел, взвешивали товар, потом запоминали цену, стояли еще одну очередь в кассу, да не в любую, а только в ту, что пробивала для этого отдела, с чеком возвращались в отдел и уже без очереди, или, в крайнем случае, отстояв очередь из двух-трех таких же счастливиц с чеками, наконец – аллилуйя! – получали свою колбасу, сыр или что-то там еще. В бакалейном отделе было проще: если нужна тебе гречка, пробей в нужной кассе 46 копеек и уже с чеком стой в очереди в отдел – продавщица отвесит тебе в бумажный кулек твой килограмм. А в хлебном совсем легко – сложил двадцать пять копеек за батон белого и десять за половину черного, пробил чек и по-быстрому получил, очереди в хлебный отдел всегда были самые короткие.

Дома выяснилось, что сметана не только густая, но и необыкновенно вкусная, Лида с трудом остановила себя, а то бы слопала все до доньшка. А ведь купила ее с прицелом на ужин. В холодильнике обнаружилась алюминиевая кастрюлька с большим куском говядины в

бульоне. Лида отрезала кусочек и закатила глаза – вот это мясо! У нее моментально родился план – блинчики с мясом на ужин. Лида достала тяжеленную ручную мясорубку, подложила дощечку под струбцину, чтобы стол не повредился, прикрутила, прокрутила мясо. Да, когда еще появятся электрические мясорубки – вжик, и готово. Хотя вроде бы в это время уже существовала электромясорубка «Страуме», но купить даже такую дорогущую вещь за 25 рублей 00 копеек в свободной продаже было нереально, только по благу.

Лук пришлось на растопленном сале жарить, подсолнечное масло было только нерафинированное, которое так вкусно пахнет семечками, но для жарки оно совершенно не годилось. А блины на чем жарить? Она вспомнила, как мама накалывала на вилку кубик сала и смазывала сковороду. Эх, где моя антипригарная сковородочка? Но вот на тарелке горка блинчиков, готово. «Съем-ка вот этот верхний, он здесь явно лишний» – Лида слямзила его и еще один. Как здорово, что еще пару десятилетий ей можно не заморачиваться диетами – в прошлой жизни Лидия Леонидовна стала поправляться только после сорока...

Сначала с работы пришла мама. Раздался оглушительный звонок. Да что ж все звонки такие громкие, для глухих, что ли? Лидочка побежала открывать дверь. Мама. Такая молодая, такая красивая! Ее красоту не портил даже этот странного синего цвета плащ бесформенного покроя. Она отобрала у мамы тряпичную сумку с продуктами, отнесла на кухню. Так хотелось ее обнять, расцеловать, но Лида побоялась, что не сдержится и испугает маму своими слезами. Да и не была она в детстве слишком ласковой. «Теперь буду с удовольствием исправляться», – подумала девочка.

– А у нас ужин готов. – Лида-взрослая не могла наглядеться на молодую маму; Лидя-ребенок была горда собой и ждала похвалы.

Мама всплеснула руками:

– Это ты приготовила?

– Да что тут готовить-то!

Мама устало опустила на стул.

– К ним бы сметаны.

Лидочка как фокусник достала сметану из холодильника. Мама посмотрела на нее с какой-то грустью в глазах:

– А ты взрослеешь, доченька.

Лида обняла ее и наконец расцеловала в такие родные щеки. «Если бы ты могла знать, как ты права, мамочка! – подумала Лида. – И даже больше – я уже повзрослела, но сказать тебе об этом не могу».

Папа пришел с работы с авоськой, из которой торчали две пирамидки молока по 16 копеек. Какой он молодой и худенький!

– Папочка! – Лида бросилась в коридор.

Папа остолбенел и удивленно посмотрел на Лиду; да, в прошлой жизни папа был серьезен и строг и не баловал дочь «телячьими нежностями».

Когда папа узнал, что на ужин, обрадовался, он всегда очень любил блинчики с мясом. Наелся от пуза и очень своеобразно похвалил дочь:

– Вот, мать, учишься у Лиды! Я таких вкусных блинчиков у тебя никогда не ел.

А Лида сидела на табуретке как на троне, гордая и счастливая.

Вечером, поплавав в ванной, «это не ванна стала больше, а я меньше», в полдесятого Лида уже легла в свою «девичью» кровать, как назвал ее когда-то Лидин муж... Сердце бухнуло в горле, но показалось, что чуть не сломало ребра. Ни разу с тех пор, как оказалась в прошлом, Лида не вспомнила ни об Андрее, ни о Лизаньке, ни о ком! Как будто у нее и не было семьи. Лида была уверена, что сейчас разрыдается до истерики, но пульс уже угомонился, а ее глаза остались сухими. Это следствие симбиоза сознаний? Лидия Леонидовна взрослая с

удовольствием облегчила бы душу слезами, а Лидочка не взрослая не могла понять ее потери и не видела причин плакать – мама и папа здесь, в соседней комнате, живы бабушка и дедушка, те, которые в Москве, и бабушка, которая в деревне. Живы все ее дядюшки и тетушки. Еще молода и здорова двоюродная сестра, которая уйдет в сорок лет от страшной болезни. Лида вздохнула с облегчением – как хорошо, что все живы!

Лиде не спалось. Всплывали картины из синего тумана, опять загудело в голове; интересно, сколько это гудение будет продолжаться? Она что, теперь каждый день будет засыпать и просыпаться с вопросом «Кто такой этот перебросчик, как это произошло и где его искать?». В том, что его надо искать, у Лиды не было сомнений. Она обязательно найдет его и заставит вернуть ее в 20 апреля 2020 года, в 15 часов 00 минут и ни минутой позже! И уже на самой грани яви и сна всплыло воспоминание о переброске, и она явственно услышала чей-то неприятный сиплый голос: «...с Лидией Симагиной процесс завершен. Василич, кого давать следующим?» А голос, сейчас показавшийся очень знакомым, тот самый голос, что разговаривал с ней в синем тумане, ответил: «Сначала давайте Виктора Павловского».

...Сон был темным, тяжелым. Он навалился на грудь и не давал дышать. Лидия судорожно всхлипнула, закричала и, проснувшись, вскочила на кровати.

– Ты что, милая? – Откуда-то из кухни послышался такой родной голос мужа.

Господи, так это что, был сон? Вот это все было просто ночным кошмаром? И синий туман, и переброска во времени, и 1977 год? А теперь она проснулась?

– О боже мой, ты знаешь, что мне сейчас приснилось! – Лида выскочила из комнаты, заплакав, как маленькая, и... уткнулась в маму.

– Тише, тише, деточка, – зашептала мама, глядя Лиду по голове. – Это сон, это дурной сон, все прошло, все хорошо.

За маминой спиной маячил папа, тоже подхватившийся с кровати. Убедившись, что никто не пострадал, он вернулся в свою комнату, а мама уложила Лиду, присела рядом с ней. Девочка, горько зарыдав, положила голову маме на колени. Мама спрашивала Лиду, что случилось, что же ей приснилось, но разве маме такое объяснишь! Потом она еще долго всхлипывала, успокаиваясь, и, наконец, уснула крепко, без сновидений, прямо у мамы на коленях и не слышала, как мама переложила ее на подушку, укрыла одеялом и тихонько вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Вляпался! Сам виноват, нужно было предвидеть. Когда не все еще отлажено, любое вмешательство может привести к непредсказуемым последствиям. Хорошо, что хоть жив остался. Ну и занесло меня! Очнуться в туалете, нарочно не придумаешь! Это значит, что я 15 октября 1977 года, слиняв с комсомольского собрания, курил в туалете. Кому рассказать, обхохочется – я чуть не задохнулся от затяжки в первый момент, как пришел в себя. В прошлой жизни я давно бросил курить, здесь это тоже была последняя затяжка, клянусь мамой. Ну что ж, прощай, будущее. Здравствуй, прошлое!

...Утро воскресенья. Родители еще не вставали. Лида не стала их будить, пусть поспят в единственный выходной, тем более что она ночью устроила им побудку. Нет, чудес не бывает, она, похоже, застряла в 1977 году. Хотя как не бывает? Еще как бывает – ее попадание сюда тоже настоящее чудо.

Лида задумалась, чем бы пока заняться, чтобы не разбудить родителей. В углу за креслом увидела два больших бумажных свертка. Развязала бечевку. Да тут целый клад! Точнее, склад мануфактурной фабрики – отрезы тканей. Тонкая шерсть, трикотаж, хлопок, лен. А какие расцветки! Отрезов много, десятка полтора. Откуда? Тоже результат трансформации при переброске? И тут до Лиды дошло, что тогда при ней было два ашановских пакета. Почему они ока-

зались с ней, она не помнила. Но зато точно помнила, что там лежали старые шарфы, платки и палантины, может быть, она хотела их в церковь отнести? Вот это превращение, вот это подарок! Просто королевский. Шить Лида всегда любила и умела. А основы этой любви заложила в нее учительница труда, Мария Арсеновна. «Ох и нашу я из этих тканей! – радостно подумала Лида. – Вот только как легализовать их перед мамой, папе до этих дамских глупостей, слава богу, дела нет». И в этот момент в комнату вошла мама и застучала Лиду «на месте преступления». Взгляд девочки заметался, но прятать было поздно.

– Ты до сих пор не убрала ткани? Сколько они будут у тебя на полу валяться, я же тебя просила!

Вот это новость! Оказывается, ничего легализовать не надо, мама уверена, что эти ткани у них уже давно. И видимо, мама даже знает, откуда они – или купили по случаю, или, что вернее, думает, что это тетя Лера, крестная Лидочки, отдала. Она работала закройщицей в ателье, а с работы в те годы не нес только безрукий.

...Как там пишут в романах – и потянулись дни? Нет, дни полетели! Удивительно, но Лидочке все было интересно. Ее взрослое сознание с удовольствием отмечало милые детали жизни в семидесятых, вспоминало забытые подробности. А детская половина ярко и свежо впитывала новые впечатления юной жизни.

В декабре Лиде исполнилось четырнадцать. К этому времени она уже точно знала, что хочет в подарок. Для этого, правда, ее взрослой половине пришлось сделать то, до чего «детская» сама не додумалась бы. Еще в ноябре позвонила крестной и с наивной непосредственностью поинтересовалась, есть ли у нее и у дяди Левы, крестного отца, идеи по поводу подарка. И конечно же, услышала ожидаемое «А что бы ты хотела?». В ответ Лида раскрыла «свой маленький секрет» любимой тетушке: «Ах, милая крестная! Я так давно об этом мечтаю» – ну прям Золушка, – и вот в результате 7 декабря Лидочка нетерпеливо разрывала упаковочную бумагу. Ну надо же, тогда такая бумага, оказывается, уже была, но ужас, что за дизайн: условно-белый фон и сине-красные звезды салюта. Она разрывала бумагу на долгожданной коробке с фотоаппаратом, а потом на коробке с фотоувеличителем и еще на коробке со всякой всячиной, необходимой для фотографирования и фотопечати. И пусть это пока бюджетный «Смена-8М», лиха беда начало! Подарок произвел фурор; папа, который всегда был большим поклонником любой полезной техники, с интересом взглянул на дочку, словно не веря, что она захотела такой подарок, и первым начал изучать инструкцию по пользованию фотиком, а Лида нетерпеливо заглядывала ему через плечо. Ну и что, что в свое время она снимала крутым цифровым «Кэноном», – пользоваться «Сменой»-то придется научиться с нуля.

Фотоаппарат не был спонтанным решением. Адаптируясь к семидесятым, Лида много думала о своем новом будущем. И решила, что умение фотографировать ей должно будет пригодиться для достижения в этом будущем сразу нескольких целей. После не очень долгих раздумий она решила в новой жизни стать журналистом. Лида явно находила у себя познавательную жилку, склонность к словотворчеству. С коммуникативными навыками у нее вроде все в порядке и с активной гражданской, или сейчас она называется социалистической, позицией тоже. Фотография же в журналистике должна быть большим подспорьем.

И еще все это могло Лиде пригодиться для важной цели – поиска способа вернуться обратно. «Если моя взрослая половина и правда застряла в детском теле, то у меня полно времени, чтобы „вооружиться“, тщательно во всем разобраться и найти выход, – решила Лида. – Стану журналистом, проведу журналистское расследование, вот бы только понять, с чего начать...»

Фотографировать Лиде всегда нравилось, но в прошлой жизни в этом деле она была дилетантом. Сейчас же Лида получила возможность заняться этим вполне профессионально. В детстве девочка чем только не занималась для своего удовольствия: и на хор ходила, и на художе-

ственную гимнастику, и на балльные танцы. А вот теперь она пойдет на фотокурсы, запишется в кружок юных журналистов, еще бы английский подтянуть...

День рождения удался на славу. Лида испекла к столу мясную пиццу, родственники были в восторге. «Надо повторить успех, когда подружек позову». Лида, конечно, не стала рассказывать никому, что столкнулась не с одной проблемой – отстояла очередь за томатной пастой, хорошо, что вообще нашла – товар-то не по сезону, потом доводила ее до ума сахаром, перцем, лаврушкой, гвоздикой и уксусом; вторая очередь была за сыром и за краковской колбасой, из которой она потом делала «пепперони» с помощью чеснока и перца; третья очередь – в мясной отдел за говядиной, которую пришлось долго-долго варить до мягкости. Хорошо, что у мамы в морозилке лежал запас свежих дрожжей, тесто удалось пышным. Для 1977 года пицца была настоящим прорывом! Обалдевшим гостям Лида наврала про школьную трудовичку и ее факультатив по кулинарии. Рецепт переписала для гостей три раза, поймала на себе внимательный взгляд крестной. Было лестно...

Перед сном Лида, как обычно, приняла душ. В эти дремучие семидесятые в простом универмаге дезодорантов было не купить, они вроде бы существовали в природе, но на прилавках их мало кто видел. С мылом и водой, правда, напряженки не было, но все равно в общественном транспорте комфортно было ездить только зимой. Когда на всех тяжелые пальто надеты, в большом скоплении людей обязательно находился не один источник неаппетитного амбре, после физкультуры в школьной раздевалке, даже девчачьей, было не продохнуть. Лида это все помнила, но действительность оказалась хуже воспоминаний. Поэтому приходилось спасаться ежедневной гигиеной тела. А еще протираaniem подмышек разведенным одеколоном и специальными тряпочными подмышечниками, которые можно было за 50 копеек купить в магазине, а можно было за вечер полдюжины сшить из старой наволочки...

...Юные журналисты оказались в пролете. Набор в группу был давно закончен, занятия шли полным ходом; Лиде сказали, что придется ждать до весны, чтобы записаться на следующий учебный год, занятия начнутся только с сентября. То же самое с фотокурсами. Хорошо хоть, в изостудии, куда она зашла, уже особо ни на что не надеясь, не отказали; Лида всегда неплохо рисовала и делала это с удовольствием. А еще она действительно попросилась на факультатив к школьной трудовичке, Марии Арсеновне, но только по шитью, чтобы отшлифовать навыки, у нее же был полный шкаф прекрасных тканей! И конечно, английский. Очень кстати, что классная, Нина Ивановна, англичанка и что она ведет факультатив два раза в неделю, и Лидочка очень кстати в ее группе. В общем, скучать будет некогда...

Прошло несколько недель, как Лида оказалась в своем прошлом. Она чувствовала себя уже гораздо увереннее; некоторые подробности быта из ее детства, забытые за ненадобностью в зрелые годы, всплывали сами собой: что метро стоит пятак, который и опускают в турникет, никаких жетонов и карточек; что обед в школьной столовой стоит 30 копеек, но, чтобы обедать, деньги надо сдавать на месяц вперед и за весь месяц сразу; что тогда не было и в помине одноразовых стаканчиков, и если вы хотели попить газировки в автомате или сока у тетеньки, разливавшей его из больших стеклянных конусов, то приходилось пить из граненых стаканов общего пользования...

«Адаптационный период считать оконченным».

Лида села за секретер, чтобы, не отвлекаясь, подумать. Давно было пора. Она понимала, что с ее «воскрешением» явно что-то не чисто, и решила провести свое собственное расследование. Василич, Виктор Павловский – эти имена явно имели отношение к ее переброске во времени. А еще имя Ирина Шалимова и почему-то ЛЛМЗ, которые во вторую и третью ночь «на новом месте» услышала Лида. Правда, расслышала это она с трудом, так тихо про-

звучало «теперь давай Ирину Шалимову», а еле слышное ЛЛМЗ уже было трудно разобрать из-за помех, очень похожих на атмосферные помехи радиоприемника. Лида не сомневалась, что мозг, освобожденный от дневных впечатлений, выдавал информацию, связанную с ее переброской во времени. Только все эти имена Лиде ни о чем не говорили, не было в ее окружении таких людей. Значит, надо было попытаться их найти! Хорошо сказать – найти. А как? «Расследование, не успев начаться, заходит в тупик...»

Лида положила перед собой четыре листа бумаги и взяла черный фломастер. Василич, Виктор Павловский, Ирина Шалимова и безымянный неприятный голос. Надо их как-то схематически изобразить. Она чувствовала себя Штирлицем над портретами Геббельса, Бормана, Гимmlера и Геринга. У Василича она изобразила профессорскую бородку, Виктору Павловскому досталась длинная косая челка, Ирина Шалимова была обозначена копной кудряшек. Над сильным голосом тоже долго не думала – нарисовала схематический овал лица и длинную кадыкастую шею. Кто они такие? Какое отношение каждый имеет к ее перемещению во времени? Ну, Василич и голос явно рулили процессом, а вот Павловский и Шалимова... Похоже, что Павловского постигла та же участь, что и ее, и Шалимову, видимо, тоже. Значит, сейчас в 1977 году в Москве где-то есть еще двое перемещенных?

Впрочем, их могли переместить в любой другой год. Но уж больно все это было похоже на конвейер: сначала разобрались с ней, потом с Павловским, потом затребовали Шалимову. Нет! Когда идет поток, как на конвейере, параметры не меняют. Значит, будем опираться на то, что они все попали в 1977 год. И все в Москву, и было бы здорово, чтобы тоже в Люблино, по правилу буравчика, то бишь конвейера.

Лида разложила листы на две кучки: Павловского с Шалимовой в одну, Василича и «голос» в другую. С кого начать? Как искать в 1977 году Василича и «голос»? Ведь они, скорее всего, остались в 2020 году; и даже если они и живут в 1977 году, то, может быть, пока не знают, что через сорок три года изобретут или будут просто обслуживать изобретенную кем-то другим машину времени. Значит, надо сосредоточиться на поиске Павловского и Шалимовой. Какое-то внутреннее чувство подсказывало Лиде, что они трое связаны общим событием – переброской, и эта связь очень прочная, а это значит, что и Виктор, и Ирина должны быть где-то рядом. Надо внимательнее присмотреться к своему окружению, сказала себе Лида и, закончив мозговой штурм, решительно сожгла четыре листа в папиной пепельнице...

После школы Лида собиралась к Нинке Алимовой, но сначала забежала домой переодеться. Надела васильковые клешы, белую водолазку, из небольшого отреза голубого трикотажа, из того самого «мануфактурного склада», изобразила шарфик и поторопилась к Нинке.

У Нинки была своя комната, из которой был выход на свой балкон. Лида помнила, как уже после окончания школы они смолели сигареты на этом балконе. Как хорошо, что у Лиды хватило ума и силы воли, чтобы после нескольких лет баловства все-таки расстаться с дурной привычкой.

А еще у Нинки был проигрыватель, и она с боем выбила у старшей сестры пластинку «Поющих сердец» – послушать. Подружки запилили «Облака в реке» до дыр. Лида уже собиралась домой, когда Нинкина сестра пришла домой из техникума. Она снимала короткую рыжую дубленку – отвал башки в 1977 году – и на правах старшей, бестактно оглядев Лиду с ног до головы, спросила у сестры:

– А это кто?

– Лида Симагина, вы не знакомы? Так познакомьтесь.

– Арина Михайловна Алимова, – церемонно, но с усмешкой протянула она руку Лиде.

Да, в это время такие модницы встречаются не на каждой улице! Одета Арина была во все иностранное: джинсы, батник. На губах офигенная помада, такую ни в ГУМе, ни в ЦУМе

не купишь. Модная стрижка под Мирей Матье, кстати, Арина была на нее чем-то похожа, тоже брюнетка, но натуральная или крашеная – не поймешь.

Лида оценила это все на автомате; занимало ее совсем другое. Ее только что осенила догадка, что Нинкина сестра, возможно, и есть та самая Ирина Шалимова. Лида, наверное, просто не расслышала как следует – не Шалимова, а Алимова, не Ирина, а Арина, слышно ведь было плохо, словно старый патефон шипел. Что это она разглядывает Лиду с такой усмешкой? Вон как хитро глаза шурит, смотрит на нее так оценивающе. Ох, как это подозрительно. Это точно она! И что ей теперь делать? Не спросишь ведь в лоб: «А не перемещали ли тебя из 2020 в 1977 год?» Если нет, то они с Нинкой решат, что Лида не в себе. А если да, то о таком только с глазу на глаз разговаривают.

Лида собралась домой, прошла в коридор и уже надевала старенькую каракулевую шубейку, которая ей давно была коротка, когда вышла Ира и проводила ее странным взглядом. А после, словно потеряв интерес, хмыкнула и ушла в свою комнату. Все это показалось Лиде очень странным, даже подозрительным. Она думала о непонятном поведении Нинкиной сестры всю дорогу домой. И все больше и больше уверялась, что Арина и есть та самая Шалимова. Для начала надо за ней понаблюдать, решила Лида.

...Еще в ранней юности Арина поняла, что люди делятся на два противоположных лагеря – на тех, кто работает, и на тех, на кого работают. Ее родителям в жизни не повезло, они оказались в первом лагере. Но с ней такой номер не пройдет! Она не станет стоять у станка за сто пятьдесят рублей в месяц! Уж она-то выбьется в люди!

И надо отдать ей должное, она трудилась не покладая рук – еще в школе продавала одноклассникам импортную жвачку, но в школе долго учиться не стала, а поступила в техникум, где заводила нужные знакомства, покупала-продавала шмотки. В общем, как та лягушка из притчи, руки она не опускала и лапки не складывала, а упорно взбивала из сливок масло. Только иногда сливки ей попадались какие-то обезжиренные.

Так, например, случилось с фарцовкой. Оказалось, что таких денег, на которые она рассчитывала, этим бизнесом не заработаешь, если у тебя нет выхода на оптового поставщика; а в розницу всего-то по пятерке – десятке на вещь можно было накинуть, а то и рубль-два заработать на мелочовке. Если больше – никто не брал, ведь каждый хотел купить подешевле, если для себя покупал, или тоже свою маржу хотел иметь, если продавал. Была у нее, правда, одна свежая идея, если выгорит, будет она и при шмотках, и при бабках...

Нинка рассказывала, что ее сестра учится в техникуме. Очень удачно, что техникум этот располагался на той же Люблинской улице, куда Лида ходила в изостудию. И Лида решила, что в понедельник она придет к концу занятий в техникуме и проследит за Ариной, а потом посмотрит по обстоятельствам, может, и в изостудию успеет.

После первого дня наблюдений Лида пожалела, что не взяла с собой фотоаппарат. Но уже на следующий день в объектив попали: незнакомый Лиде симпатичный парень, которого, похоже, знала Арина, сама Арина, молодой мужчина неприметной внешности и его собака. На третий день фотоохота ничего нового не принесла.

Четвертый день наблюдений выдался солнечным и жутко морозным, и от этого просто сказочным! Деревья и кусты стояли как сахарные. Автобусы превратились в белые кружевные шкатулки на колесах. А обманщики-сугробы в этой сказке притворялись беже и зефиром. Лида стояла в булочной, прислонившись лбом к стеклянной витрине, продышав в морозном узоре круглое окошечко, и ела венгерскую ватрушку. Ела она ее вот уже минут двадцать. Отщипывала по крошечке и долго жевала. Это была уже вторая. Первая ватрушка проскочила так быстро, что Лида и не заметила. Хорошо, что это булочная-кафетерий, где всегда много народа и продавщицы не обращают на нее внимания; ведь если бы прогнали, то пришлось бы уходить с

такого замечательного наблюдательного пункта – вход в техникум был как на ладони. А Арины все нет и нет. Занятия закончились, основная волна студентов, спешащих домой, уже давно схлынула, а она провалилась, что ли?

Вот вышел из дверей тот самый симпатичный парень в самой настоящей, с оранжевой подкладкой, аляске нараспашку, и это в мороз за двадцать градусов. Выглядел просто шикарно, третий день он появлялся каждый раз в разном. Лида уже в первый день наблюдений поняла, что он фарцовщик. Парень перебежал дорогу и направился в Лидину булочную. Засмотревшись на него, она чуть не прозевала Арину, которая приоткрыла дверь, выглянула, но выходить не торопилась, а следила взглядом за этим парнем. Тот вошел в булочную, и Лиде пришлось шагнуть в сторону и спрятаться за огромным фикусом. Так и стояли – Арина наблюдала за входом, Лида наблюдала за парнем и за Ариной. А парень ни за кем не наблюдал и ни на кого не обращал внимания, выпил кофе с тремя эклерами и через пять минут уже шел по Люблинской. За ним кралась Арина. А за Ариной, даже и не таясь, шла Лида. Такая странная процессия повторялась уже четвертый день с небольшими вариациями.

«Ну и чего полезного я узнала про Арину? Что она влюблена в этого парня и ходит за ним по пятам?» – шла, мерзла и думала Лида. А парень тем временем зашел, как и всегда, в подъезд. Арина, как и всегда, осталась наблюдать поодаль, а Лида уже решила было бросить это глупое занятие и идти отогреться в изостудию, но парень почти сразу вышел на улицу, держа в руках большую сумку. Сегодня его, правда, никто не провожал, видимо, в сильный мороз его знакомый жалел пса и днем с ним гулять не пошел. Оглянувшись, парень заметил автобус и рванул на остановку. Все, решила Лида. Но оказалось, что на сегодня это было не все. Арина, в отличие от других дней, не ушла, а направилась к тому подъезду, в который заходил парень. Ее не было так долго, что Лида околела и уже хотела уходить, но тут Арина вышла, и в руках у нее был пухлый и явно увесистый фирменный пакет...

А назавтра Нинка сказала, что ее сестра просила узнать у Лиды, где она купила свой голубой шарфик.

– Я не знаю, это подарок. А что?

– Понравился он ей очень. Она у меня вообще страшная модница и воображала. Из отца с матерью жилы вытянула за эту дубленку. А сапоги ее ты видела? Финские! Обещала носить аккуратно и мне по наследству передать.

– А где она достает такие вещи?

– У них на курсе парень есть, фарцует; вещи у него фирменные, но такие деньги за все дерет!.. Правда, Ирка вчера радостно намекнула, что теперь он ей не нужен, сама будет фарцевать. А за шарфиком-то своим ты следи, когда в следующий раз к нам придешь, – засмеялась Нинка.

«Ах, вот оно в чем дело, – подумала Лида. – Это Арина за тем самым фарцовщиком следила, чтобы узнать, где живет его поставщик, так, что ли? Как уж она убедила этого оптовика, и думать не хочу, свечку не держала. Но будет теперь этому, в аляске нараспашку, здоровая конкуренция в лице Арины. Вот и вся загадка. Тряпичница она! Голубой шарфик ей понравился, видите ли... А я ломала голову, почему она так подозрительно на меня смотрит. Хорошо, что я еще ей никаких странных вопросов не успела задать, представляю, что она про меня подумала бы! Могла бы и чумовозку вызвать за такие вопросы».

Значит, эта Арина – не та, кто ей нужен. Если только фирменные вещи не понадобятся. И скорее всего, ей придется искать все-таки Ирину Шалимову. Лида огорченно вздохнула – ее расследование пошло по ложному пути, а воз и ныне там...

...А после новогодних каникул к ним в класс пришел новенький. Первым уроком был английский, Нина Ивановна взяла новенького в свою группу, поэтому парня пришлось представлять дважды – сначала группе и на следующем уроке всему остальному классу. Это, мол, Витя,

он теперь будет учиться в нашем классе; Витя играет на гитаре, занимается спортом и бла-бла-бла. Ничего так мальчик! Симпатичный блондин. Длинная косая челка, глаза голубые и ямочки на щеках, когда улыбается. Только вот стоит ли торопиться влюбляться? Осторожнее, Лида! Фамилия-то у пацана – Павловский...

Глава 3

15 октября 1977 года

– Василич, с этим все.

– Да, вижу, скорее, Ирину Шалимову давай! ...Виктор Эдуардович проснулся и сразу понял, что он теперь просто Витя. Потому что выскочил он как черт из табакерки из своей кровати в старой родительской квартире, явно помельчав в размерах. Уже перебросили!

Он не заставил невидимого незнакомца долго себя уговаривать. Вернуться, говорите? Иначе никак? Ну что ж, помирать точно не хочу. И вот он здесь, в старой квартире, в Сокольниках. Они потом переедут в Люблино, отцу предложат новую работу, мама переведется на работу в Люблинский районный отдел народного образования, и он будет учиться в новой школе.

А пока очень хотелось в туалет. Бежал на автопилоте, не задумываясь на поворотах, вот что значит детская память, провела его по маршруту, как навигатор. В туалете он явственно осознал, что ему теперь четырнадцать – разница была ощутимая. Но зато результаты обследования порадовали мгновенной эре... в общем, реакцией. Не сравнить с вялотекущим процессом безо всякой гарантии, когда тебе за пятьдесят. В ванной Виктор подошел к зеркалу. На него смотрел подросток, скорее жилистый, чем мускулистый. Виктор привык к более рельефному торсу, над которым он не переставал работать даже на шестом десятке. Два раза в неделю трудился, и результат давал ему повод гордиться. Ну, хоть этим. Так, дальше: неужели это тонкое скуластое лицо, голубые глаза, светлые густые, а не седые и редкие волосы – его? Ох ты ж, не зря он почти совсем не отказывался, если так только, для порядка, когда неизвестный голос заманивал его прелестями новой жизни в четырнадцатилетнем теле! И вот теперь он убедился, что не дурак был. На такое он согласен! Слышите, вы там, спасибо! Мне все понравилось, а мускулатуру накачаем, вот прямо сейчас и начнем с зарядки, только недолго, он сегодня проспал как сурок и пойдет только к третьему уроку. Или, может, вообще не ходить?

Витя вернулся в свою комнату. Неужели она и правда была такая маленькая? На стуле нашел футболку и трусики – обхохочешься! Но что делать, пришлось надеть. Выбежал на улицу. 15 октября, а такая теплынь! С удовольствием ощущая молодое, гибкое, хоть и не очень сильное тело, сделал зарядку, потом пробежал два раза вокруг дома. На первый раз хватит, Витя очень хорошо помнил, как в прошлой жизни был совсем не спортивным мальчиком. Надо давать мышцам нагрузку дозированно...

Первые недели все было как в прошлой жизни – старая, еще довоенная, школа во дворе, кружок игры на гитаре в Доме культуры обувной фабрики «Буревестник» (в 2020 году вместо фабрики будет офисный центр), турник на спортивной площадке в парке Сокольники и сначала по пять, потом по десять подъемов, пока без переворотов. Но вот однажды вечером папа пришел с работы и сказал, что его назначили заместителем начальника Люблинского литейно-механического завода. События завертнулись разноцветной юлой: папа сдавал дела на старой работе на Сокольническом вагоноремонтно-строительном заводе и ездил знакомиться на новую; мама в спешке оформляла перевод на новую работу в Люблино и отвозила документы сына в новую школу; все трое ездили смотреть новую квартиру, которую папе представил завод. Готовясь к переезду, насобирали по окрестным магазинам коробок и ящиков, несколько дней жили на тюках, как цыгане, и к Новому году наконец перебрались на новое место.

До Нового года оставалось несколько дней, но Витька в новую школу не торопился, четверть ему закрыли в старой школе, между прочим, без троек; так что его каникулы оказались длиннее, чем у всех. Но промелькнули они все равно быстро, и 11 января перед Витей радушно распахнула двери новая школа...

1978 год

Когда Нина Ивановна представила им новенького, у Лиды загудело в голове – явный признак, что этот Витя имеет отношение к переброске во времени. Даже если бы у Лиды не было информации о его имени, этот характерный и настойчивый гудеж тонко указал бы на толстые обстоятельства.

В этот день ей было не до английского. А также не до алгебры, и не до истории, и не до физики, впрочем, как всегда; уже второй раз в жизни Лида учила эту ужасную физику, и никаких подвижек – симпатии к предмету так и не возникло, и уж точно не до пения. Весь день она то тарасила глаза на Витю, то, опомнившись, прятала взгляд под отросшей челкой «когда до парикмахерской дойду уже», то снова зачем-то пыталась поймать его взгляд...

Тот это Витя или не тот? Как к нему подобраться? Не подойдешь ведь и не спросишь в лоб: «Ты, друг, тоже вторую жизнь проживаешь? А про первую не забыл? А я Лидочка Симанина, тебе мое имя ни о чем не говорит? Может, в момент смены временного континуума что-то про меня слышал? А я вот про тебя слышала...» Да, с наскока эту крепость не возьмешь, тут думать надо.

Оказалось, что не на одну Лиду появление Вити Павловского произвело такое глубокое впечатление. Практически всей девичьей половине класса в этот день учеба не шла в голову. На переменах, разбившись по группкам, девчонки перешептывались и переглядывались, на уроках белыми лебедями летали записки.

Витя тем временем показал свои наилучшие коммуникативные качества. Со всеми мальчишками в первый же день перезнакомился, а во второй день уже включился в подготовку выступления на школьном фестивале патриотической песни. Оказалось, что он поет и действительно играет на гитаре и знает не три, а побольше аккордов.

Узнав об этом в первый же день на уроке пения – хоть правильнее не пения, а музыки, – Еленочка, учительница музыки, устроила кастинг. Опять слово из прошлого, то есть из будущего. В результате сложилось трио в составе: Витя, Лида и Нинка. Нинка была солисткой, так как уже два года пела в Большом детском хоре Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением В. Попова и даже снималась на телевидении, участвуя в авторском вечере Александры Пахмутовой. По наводке Нины Ивановны Еленочка начала разучивать с ними *We shall overcome* Пита Сигера. Во время репетиции в отражении стеклянной двери актового зала Лида видела брюнетку со стрижкой и шатенку с длинным конским хвостом, а между ними симпатичного паренька с косой челкой – «я как в воду глядела!» – и гитарой, и ей это очень нравилось. Да, в этой жизни ничего не повторялось. В прошлой жизни у них в классе был квартет: Сережа, Гоша и две Лены; хорошо пели, даже второе место на каком-то районном конкурсе заняли. «Посмотрим, какое будущее у нашего трио...»

Прошло несколько дней, и Вите за эти дни насыпался град записок. Девочки развлекались, пользовались безнаказанностью и анонимностью – ничьих почерков он пока не знал, не все имена запомнил. Вот и Наташка Малинкина тоже ему записку подбросила: «Не хотел бы ты подружиться с какой-нибудь девочкой из нашего класса?» – и подпись «Дуся». «Вот ведь ребенок», – подумала Лида. После школы Лида с Наташкой пошли домой кружным путем, чтобы подольше поболтать. По дороге Наташка вздыхала, жалуясь на низкие шансы «Дуси» подружиться с Витей.

– Потому что он сегодня все перемены на Ирку, не отрываясь, пялился. А она делала вид, что не замечает его в упор. Эта дура Коваленко себя прям принцессой считает! Сегодня первый день после гриппа вышла, а уже туда же...

Ирка всегда была звездой не только классного масштаба. Самая симпатичная и в четырнадцать лет уже откровенно сексуальная. Старшеклассники от нее голову теряли регулярно. Она же оставалась неприступной Снежной королевой; гулять она с ними гуляла, поклонение принимала благосклонно, а «поцелуя без любви не отдавала», что бы там ни говорили завистницы.

– Наташ, не злись. Ирка ведь и правда как картинка, на нее все ребята пялятся. «Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает».

– Клевая песня, да, Лид? Я ее себе в песенник обязательно перепишу, что-то у меня там мало новинок!

– Наташ, ты дурака не валяй, с Витькой тебе ничего не светит. Ты вот лучше обрати-ка внимание на Сережку...

– Третьяк – дурак недоделанный! – Наташка аж покраснела от негодования. – Меня от него тошнит!

– А его от тебя штырит.

– Чего?

«Ой, что же это вы, девушка, так неаккуратно, здесь таких слов не знают, попрошу вас впредь так не выражаться».

– А ты хочешь сказать, что до сих пор не поняла, зачем он тебе каждый день косички дергает да расплетает.

Наташка остановилась, выпучила глаза, испуганно спросила:

– А ты знаешь? Зачем?

– Знаю, но ведь ты мне не поверишь. Я лучше промолчу.

– Нет, скажи! Скажи, пожалуйста, зачем?

– Давай сделаем так. Завтра, когда он будет к тебе приставать, ты не будешь бить его по башке учебником.

– Как это не буду? Еще как буду! А то ведь он не отстанет.

– Послушай меня, пообещай, что завтра, только один день, каждый раз, когда он к тебе пристанет, ты повернешься к нему, сначала помотришь ему прямо в глаза, улыбнешься и сделаешь вот так... – Лида показала подружке классическое упражнение глазами «в угол, на нос, на предмет». – Делаешь все медленно, не торопясь, чтобы его до печеник проняло.

– Симагина, ты что, самая умная? Да он надо мной посмеется при всех! Буду я ему еще глазки строить!

Наташка еще долго отнекивалась, но Лида пообещала ей, что, если она сделает все правильно, Сережка от нее отстанет. Взяла с нее честное слово, и они разошлись по домам...

«Интересные подробности мне Наташка рассказала про Коваленко, – думала Лида уже дома. – Только не ясно, полезная или бесполезная эта информация. Вот если бы Ирка была не Коваленко, а Шалимова, можно было бы предложить гипотезу, что Павловский – тот самый и помнит все, так же как и я. И например, про Шалимову, так же как и я, услышал в момент переброски и теперь пытается выйти с Иркой на контакт, думая, что она и есть Ирина Шалимова. А со мной не пытается, потому что каждый, кого перебросили, мог услышать только про следующих, а про предыдущих никому знаний не открывалось. Вот и я, были ли предыдущие, не в курсе, а про последующих (Павловского и Шалимову) слышала. Опираясь на эту гипотезу для дальнейшего расследования можно было бы, если бы не два но: первое – неизвестно, тот ли это Павловский, и второе – Ирка-то не Шалимова! Но есть еще одна гипотеза, очень простая и, похоже, верная, – Витя просто с первого взгляда втюрился в нашу первую красавицу классного, да что там, не побоимся этого слова, общешкольного масштаба. Правда, эта гипотеза мне

совсем не нравится, – закончила мозговой штурм Лида, – так как она перечеркнула бы все мои надежды на то, что Витя – тот самый. Ладно, торопиться не будем, поживем – увидим...»

На следующий день Сережка Третьяк весь день пребывал в ступоре. Он все косился на Наташку Малинкину и никак не мог понять, чего это она на него так посмотрела на первом уроке, когда он привычно дернул ее за обе косицы. Вот и сейчас он за ней наблюдал, а она заметила и взглянула на него так, как никогда раньше не смотрела. Сережка был озадачен весь день так сильно, что ни разу больше не пристал к Наташке.

После уроков – факультатив по труду. Лида выбрала из «потустороннего клада» отрез на блузку попроще, мама разрешила. Жалко тратить на учебную вещь хороший материал, пусть полежит, попозже пригодится, может, даже после школы. Шила для лета блузку-крестьянку, простую по фасону и несложную в работе. А еще Лида занялась на факультативе новой юбкой. Из-за того, что взялась сразу за две вещи, ни ту ни другую доделать не успела. «Ладно, – решила Лида, – в выходные дома закончу». Да, в эти времена, если руки не оттуда, откуда надо, растут – ходи в каком-нибудь убожестве из соседнего универсама. Вспомнив про универсам, Лида решила, что нужно сходить в «Серый», посмотреть, чем он богат.

Поодиночке в магазины ходить было не принято. Лида позвала с собой Нонну Тюрину. Она тоже на факультативе была, ночнушку в подарок маме шила.

До «Серого» было пешком прилично, но почему-то у них было принято по району ходить, а не на автобусах ездить, и Лида с удовольствием любовалась зимней черно-белой картинкой Люблинской улицы: черные следы от колес на белом снегу, а посередине разделительная полоса, запорошенная снегом, и тополя, словно нарисованные черным углем. В начале восьмидесятых тополя «закатают в асфальт», сделав улицу шире и увеличив ее пропускную способность. А пока катят по неширокой улице «жигули» да двадцать четвертые «Волги»; двадцать первые «Волги» тоже попадают, хотя уже считаются старьем. Знали бы их владельцы, какой спрос на них будет в двухтысячные, берегли бы...

Лида шла и звенела кефирными бутылками в тряпичной сумке, которую сшила мама из Лидино детского сарафанчика в красный горох. Сумка вышла веселая, яркая и удобная. На обратном пути надо бы зайти в молочный магазинчик (маленькая избушка почти на курьих ножках, очень скоро ее снесут, в этом микрорайоне выстроят целый лес многоэтажек); в этом магазине всегда безотказно принимают молочную посуду, не ссылаются на то, что «тары нет», и дают в обмен молоко или кефир. За две бутылки по 15 копеек Лида получит одну бутылку кефира, это всегда было ее обязанностью, не папе же с мамой на работу с пустыми бутылками ходить.

В «Сером» зависли в галантерейном отделе. С удовольствием изучали ассортимент тесьмы, резинок, пуговиц – не хуже, чем в прошлом, то есть в будущем, решила Лида, может быть, не такой огромный выбор, но приятно разнообразный. В отличие от обуви или верхней одежды, на которые без слез не взглянешь.

Вечером позвонила Наташка:

– Помогло, Лида! Помогло! Откуда ты знала? И что же, он теперь никогда не будет ко мне приставать?

– Знаешь, еще возможны рециды... то есть временное возвращение этой его вредной привычки, но через какое-то время все пройдет. Мало того, обещаю, что скоро он начнет провожать тебя до дома и нести портфель. Ты ни в коем случае не отказывайся, а то можешь все испортить, и он снова станет дергать тебя за косички или даже что похуже...

Уже прошло уже несколько репетиций их трио. Нинка заливалась соловьем; Лида старалась не отставать, у нее всегда был неплохой слух и голос; Витя, если честно, лучше играл, чем пел, но хоть не фальшивил. Раскладка на два голоса девочкам пока не давалась, а до выступ-

ления оставалось не так много времени, поэтому все, в первую очередь беременная Еленочка, страшно нервничали, хотя ей это было никак нельзя. Поглядывая на Витю, Лида не переставала перебирать варианты, как же к нему подступиться.

В результате с Витей Лида решила прислать ему записку. Если он и есть тот самый Виктор Павловский из ее синей мглы, то по его реакции она все поймет, а если нет – ну, одной глупой запиской больше будет, он уже к ним привык, наверное.

Записок получилось три. Первую записку Лида подложила ему в учебник английского перед уроком. «Виктор Эдуардович, я знаю, что Вы не совсем тот, за кого себя выдаете». Лида решила, что с отчеством будет солиднее, сразу будет понятно, что это обращение к взрослому человеку. Пришлось лезть в классный журнал на последнюю страницу со сведениями о родителях. Он нашел записку в учебнике не сразу, но, когда прочитал, словно окаменел. Весь день и еще дня три она наблюдала за Витей. Видно было, что он в недоумении перебирает всех и не может понять, от кого записка. Всматривался в лица, прислушивался к разговорам. Лида отсиживалась в тылу.

Вторую записку она положила в карман его пальто на следующей неделе, когда их класс дежурил по школе и Лидин пост был в гардеробе. «Виктор Эдуардович, я знаю, что Вы не совсем тот, за кого себя выдаете. Со мной произошло то же, что и с Вами». Наутро на Витю жалко было смотреть. На его лице отражалась такая мука, такое беспокойство и такая беспомощность, что Лида решила долго не тянуть и на следующий же день подкараулила его после уроков за углом школы.

- Ты домой?
- Да. – Витя был мрачен и задумчив.
- Нам по пути.
- Разве?

Они шли дворами вдоль Таганрогской, и Лида молилась, чтобы их не заметили сестрички-двойняшки, их одноклассницы, спины которых маячили впереди, иначе пересуды в классе завтра были бы обеспечены. Видно было, что Вите не до разговоров. А Лида щебетала глупой пташкой обо всем на свете:

– Как хорошо, что ты играешь на гитаре! Ты уже знаешь, что у нас в школе есть самый настоящий ВИА? Правда, там играют только десятиклассники, но это ничего, подрастешь, получишь научишься играть, над техникой поработаешь, зато в десятом классе место в ВИА тебе будет обеспечено. А еще это здорово, что Нина Ивановна взяла тебя в свою группу, она такая замечательная, я имею ввиду Нину Ивановну, а не группу, хотя наша группа тоже очень хорошая! И она любит что-нибудь придумывать, ой, я опять имею ввиду Нину Ивановну, а не группу. Вот недавно на «Огоньке» Мишка из девятого пел на английском «Вечерний звон» – *Those evening bells* переводится. Хороший парень такой, поет здорово и спокойный. А то обычно мальчишкам только побезобразничать дай! Вчера наши ребята снежками кидались, еле от них ноги унесли, а ты почему с ними не кидался? Примерный очень? Или боишься, пока новенький? Да что ты все молчишь, сам на себя сегодня не похож! Счас я тебя расшевелю.

Она отбежала к большой куче еще неубранного снега, слепила снежок и запулила ему прямо в портфель.

- Ой, извини, там снег сейчас растает и все промочит! Давай помогу вытряхнуть.
- Да не надо ничего, туда и не попало снега. Дай я сам, не надо, да уйди ты уже...

В результате этой несложной манипуляции третья записка осталась лежать в его портфеле. «Виктор Эдуардович, я знаю, что Вы не совсем тот, за кого себя выдаете. Со мной произошло то же, что и с Вами. Если Вы хотите разгадать эту загадку, давайте объединим наши усилия».

На следующее утро Лида немного проспала. Папа почему-то ушел на работу пораньше, и она собиралась одна. На кухне висел трехпрограммный радиоприемник, с утра обычно на

«Маяке» слушали «Опять двадцать пять». Сегодня, в который уже раз, «Перышки у птички» передавали, Лида эту песню наизусть знала. Переключила на первую кнопку, там вещала «Пионерская зорька». Хорошо, что переключила! Сразу вспомнила, что пионерский галстук вчера постирала, а погладить забыла. Носить галстук в школу было строго обязательно всем пионерам, от мала, третий класс, до велика, восьмой. Если вдруг забудешь, сразу станешь белой вороной и тебе на это строго укажут и будут указывать весь день, а то и домой на перемене отправят за галстуком. К галстуку еще полагался пионерский значок, вот здесь частенько случались послабления, если вдруг его не было.

Включила утюг, а пока он грелся, сделала себе бутерброд. Ах, что за масло! Такое масло можно ни на что не намазывать, а просто от куска откусывать. Пионерский галстук гладила она уже последние денечки – собиралась вступать в комсомол. Четырнадцать исполнилось, училась хорошо, активистка – что еще надо комитету комсомола, чтобы благословить на вступление? Их будет четверо самых первых из класса: Лида, воображала Тонька Голикова, Нонна Тюрина и Витька Павловский. Он, оказывается, уже с характеристикой из той школы пришел, и ему разрешили – блатной, наверное.

Когда она сломя голову выскочила из подъезда и собралась бежать в школу, дорогу ей преградил Витя.

– Ой, доброе утро, Витя! Не ожидала, но раз уж ты здесь, быстрее побежали, а то на черчение опоздаем.

– Нет, Лида, ни на какое черчение мы не опоздаем, потому что мы с тобой на него вообще не пойдем. Нам надо поговорить...

Ну, вот и славно! Значит, она все верно рассчитала – это не совпадение, и Витя не однофамилец. Теперь их будет двое, вдвоем легче пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что, и того, не знаю кого. Но Лида не смогла удержаться, чтобы еще немного не повалять перед Витькой дурочку.

– И ты уверен, что я подкладывала тебе какие-то записки? Может, это еще в школе кто-то сделал, чё сразу я!

– Не был бы уверен, если бы ты не прокололась.

– И в чем прокол?

– Ты вчера перестаралась, изображая наивную семиклассницу, у тебя прям первоклассница получилась, не старше. Я сразу почувствовал подвох, ты ведь понимаешь, что мне уже за полтинник, а не четырнадцать. Да, кстати, вот только что был второй прокол – тебя не удивил сленг, которым в это время еще не пользуются. И от самого «прокола» не открестилась, а только интересно стало, где прокололась. К тому же после того, как я стал получать записки, я стал тщательно проверять свои вещи на предмет новых поступлений. И обыскал портфель как раз перед выходом из школы. Так что эта записка могла быть только от тебя...

Они сидели у Лиды на кухне. Витька умял последнюю сосиску и пил чай. А она рассматривала его, пытаясь за непослушными вихрами, ямочками на щеках и съехавшим набок пионерским галстуком разглядеть пятидесятилетнего мужика. Он рассказал Лиде все и сразу – был абсолютно уверен, что она – его друг по несчастью. И Лида, не успел он даже закончить рассказ, почувствовала в нем родственную душу. И испытала облегчение – она не одна!

– Ну и что делать будем, а, Вить? – Лида заглянула ему в глаза с извечной женской надеждой найти мужское плечо посильнее, на которое можно было бы переложить груз, который так тяжело тащить одной. – Ты ведь, конечно, думал обо всем, что случилось. И до чего додумался? Что нам делать?

– Это зависит от того, чего мы хотим. Хотим воспользоваться вторым шансом и просто жить? Значит, будем жить заново, это будет наверняка интересно. Или мы хотим вернуться? – Витя взглянул на Лиду испытующе. – Ты хочешь вернуться?

– А ты? Разве у тебя не остались в прошлой жизни родные люди? Мне в той жизни тоже за пятьдесят было, когда... ну, когда это случилось, у меня семья, дочка, внучка.

– Я в первые дни как в каком-то угаре жил – молодое тело, еще одна жизнь! Здорово было бы прожить ее без прошлых ошибок и даже наоборот. Я ведь финансист по образованию, на немалых должностях в приличных компаниях работал, последнее место – финансовый директор в структуре Газпрома. Представь, какие перспективы открываются – я же помню все перипетии в политике и экономике страны от перестройки и до наших дней, Господь умом не обделил вроде. И я смогу использовать свои знания! Вот как захочу, так и использую. Но пожил я несколько недель в этой социалистической действительности и понял – долго не выдержу. В первой жизни я не имел «послезнания», жил как все, а сейчас... Еще раз маршировать строем сначала в красном галстуке, потом с комсомольским значком, потом с партбилетом... Ну их на фиг! Всех денег не заработаешь. Если будет возможность, я бы вернулся. У тебя вон семья. Я, правда, был разведен, но у меня дочь беременная была, может, я уже дед, а не знаю об этом, кто ж его знает, как здесь и там время течет... Потом, там работа осталась интересная, денежная, я немалого добился в той жизни, полмира объездил и по работе, и отдыхать. К свободе привык, не представляю, как буду здесь. Я бы вернулся, однозначно. Если только это возможно.

– С того дня, как я здесь очутилась, я чувствую себя как на экскурсии. Здесь, конечно, здорово и интересно, но я хочу обратно. К тому же я хорошо помню анекдот про разницу между туризмом и эмиграцией. А еще обязательно хочу узнать, что произошло, как это вообще возможно и кто за этим стоит.

– Кто стоит? Ясно кто – Василич.

– Уж чего яснее. Василич – это отчество или фамилия?

– А я про фамилию не подумал, и правда! Но по-любому найдем Василича, вытрясем из него информацию вместе со всеми его печенками!

– Вить, время! Побежали в школу, а то и на второй урок опоздаем. Слушай, а у тебя это тоже легко работает – переключаться со взрослого сознания на детское?

– Да, даже не контролирую и не замечаю. Когда обстоятельства требуют быть школьником – я школьник. Дома наедине сам с собой размышляю – я взрослый. Да вот с тобой тоже взрослый. А ты?

– Да, я с тобой сейчас тоже взрослой своей половиной общалась, куда там этой четырнадцатилетней пигалице такие вопросы поднимать! Надорвалась бы.

С Витей в школе они демонстративно не общались. Много успели обсудить у Лиды на кухне, обменялись номерами телефонов и долго болтали после школы. Лиде было интересно все, даже мелочи, поэтому она спросила:

– Слушай, а что переместилось вместе с тобой?

– О, обхохочешься! Мой костюм, цивильный и недешевый, превратился в брючки и курточку, я бы не возражал, если бы это был приличный деним, ан нет, получилась такая детская рабочая одежда. А вот с чем повезло, так это с кейсом – из него вышел вполне приличный дипломат. Отец с ним ходит и уверен, что он у него давно и что он сам его по случаю купил. Правда, в кейсе у меня были документы и рекламная полиграфия, а здесь в дипломате оказалось два набора – акварельных листов и цветной бумаги, ну да в школе все пригодится. Дорогущие электронные наручные часы превратились в механические, марки «Слава» Второго часового завода, из айфона получился неплохой калькулятор, еще у меня в кармане были, в общем, из них получилось то же самое, только называется это сейчас «изделие номер 2 Баковского резинового завода».

Лида подавилась смехом.

– А еще со мной был ноутбук, так угадай, что теперь вместо него на почетном месте у меня на письменном столе? Портативная пишущая машинка «Москва»! Но самое главное,

у меня теперь есть новенький блестящий самокат, вполне легализован перед родителями, похоже, они думают, что это они мне на день рождения купили. На балконе стоит, накрыт клеенкой от дождя и снега, лета ждет. Угадаешь, что это было в прошлой жизни?

– Даже боюсь представить. Не машина, точно, по габаритам не сопоставимо. Вряд ли ты, пижон в дорогом костюме, на велосипеде... Неужели-таки самокат и был?

– В точку! Но, убей, не представляю, как я на нем ехал – в одной руке кейс, в другой ноутбук.

– Однако! У меня вещи тоже оказались легализованы перед родителями. А деньги? А куда дел изделие номер 2?

– Да мама с папой отнесли ко всем моим перемещенным вещам так, как будто они всегда у нас были. Правда, изделие номер 2 я сразу припрятал, пока не нашли. И если найдут, не знаю, как отнесутся, может, решат, что я у них спер... – Витька смущенно покашлял. – А вот с деньгами интересно получилось. У меня наличных с собой не было, только несколько монет в кармане плюс пара банковских карт. Так вот, монеты трансформировались в советские дензнаки, один к одному; из одной карты, сбербанковской, получилось несколько сберкнижек общей суммой – сумасшедшие для советских времен деньги! А карта другого банка с очень солидной даже для того времени суммой пропала, представляешь?

– Представляю, вместо нее ты наверняка нашел цветную картонку. Значит, этого банка сейчас не существует, у меня так с Альфа-банком случилось.

– Ну да, Газпромбанк пока не создали.

– А на чье имя сберкнижки, на твое? Ты же несовершеннолетний, несколько лет еще не сможешь ими воспользоваться.

– На предъявителя! Такая вот предусмотрительность.

– И много денег? Давай подсчитаем наши капиталы. Для решения наших задач они наверняка понадобятся.

– Налички семьдесят восемь рублей, а на книжках двести двадцать четыре тысячи восемьсот сорок три рубля.

– Да, в нашем финансовом сотрудничестве я буду младший партнер, у меня всего семьсот девяносто один рубль и пятьдесят копеек, правда все налом.

Решили, что денег на пустяки не тратят, берегут исключительно на нужды расследования. А расследование все еще стояло на месте. Пришла пора встретиться и серьезно обо всем подумать...

Операция называлась «В кино на двухсерийный фильм в кинотеатр „Октябрь“». То есть общим хронометражом часов на пять (если считать еще и дорогу туда-обратно). На самом деле встретились в «Детском мире», купили мороженое. О боги! До чего же вкусное мороженое было в «Детском мире», ЦУМе и ГУМе в детстве! Присели на каких-то боковых ступеньках между третьим и четвертым этажами, где мало кто ходил. А куда было деваться бедным школьникам? На улице конец января, мороз и солнце, конечно, но в сквере долго не погуляешь. Снова встречаться у Лиды было не очень удобно, мама приходила с работы всегда в половине пятого, могло не хватить времени на разговоры. И Лиде совсем не хотелось знакомить маму с Витькой; что она подумает? Вот и нечего вводить ее в заблуждение.

– Вить, давай сначала определимся с количеством действующих лиц в этой истории. Я, Василич, незнакомый голос, Виктор Павловский, то есть ты, и некая Ирина Шалимова. Это те, кого знаю я. А у тебя какой список?

– Я, Василич, голос и Ирина Шалимова. Про тебя не слышал.

– Я так и предполагала. Моя гипотеза такова – кто-то проводил эксперимент со временем, в котором мы участвовали против своей воли, и там случилась парочка проколов. В результате этого мы должны были или умереть, или вернуться в 1977 год. И почему-то экспе-

риментаторам обязательно нужно было наше согласие. Когда этот Василич меня уговаривал, меня не оставляло ощущение, что он пытается загладить вину.

– Точно! И меня он уговаривал, если начистоту, то не очень долго, хотя мог сделать со мной что угодно. Чем бы я ему помешал? Но, видимо, это для него было важно, мое согласие, пусть и вынужденное.

– И второй прокол – в момент переброски мы услышали голоса, хотя, скорее всего, не должны были ничего слышать. Кстати, знают ли они, что мы слышали то, что не предназначалось для наших ушей? Мы все слышали голос Василича, который, кстати, мне показался знакомым, и чей-то незнакомый и неприятный голос. А еще каждый слышал только про того или тех, кто в этом эксперименте шел ПОСЛЕ него, ты обратил внимание? Я не знаю того, кто шел ДО меня и шел ли вообще. Интересно было бы узнать, с кого начался сбой в их программе, с меня или раньше? А ты не знал про меня, ведь я для тебя – предыдущая. Выходит, Ирина Шалимова не знает про нас с тобой, но, возможно, знает про кого-то, кто шел после нее.

– Логично. А я вот, когда узнал, что у нас в классе есть Ира, подумал, чем черт не шутит, может, это она и есть. А что, бывают же совпадения. Пялился на нее и не мог понять, почему она совсем не реагирует на меня, хотя я уж так старался, а по твоей теории получается, что она и не должна была реагировать, потому что я для нее предыдущий. А потом узнал ее фамилию и вообще огорчился.

– Не слишком ли многого ты хочешь? Таких совпадений не бывает; наша встреча с тобой и так уже невероятное совпадение. Было бы чересчур, если бы мы все трое в одном классе оказались. Просто у нас в классе других Ир нет, вот ты и придумал. А пялился ты на нее, забыв про конспирацию, потому что она хорошенькая – кудряшки, глазки-бусинки, губки бантиком; и я так думаю, и в классе не дураки – решили, что ты влюбился.

Витя неожиданно залился краской. Так ведь он и вправду влюбился!

– Да ладно тебе, не тушуйся, любовь делу не всегда помеха. Скажу тебе по секрету, твое положение не безнадежно.

– Ну да, не безнадежно! Она на меня совсем не смотрит.

– Ну-ка, припомни, прям вообще не смотрит?

– То есть абсолютно.

– А тебе не кажется, что в этом «совсем» и «абсолютно» есть явная нарочитость? Я женскую психологию лучше тебя знаю и компетентно заявляю – ты ей понравился! Просто она тебя должна немножечко помучить, как поступают все порядочные девушки.

Господи, ну какие эти мужчины все-таки мальчишки в любом возрасте. Глаза у Витьки засверкали, лицо еще больше запунцовело. Улыбка глупая, ямочки на щеках милые. Прям такая сладость, что Лиде тут же захотелось разбавить эту патоку кисленьким.

– Да-да, у тебя есть все шансы со временем дать ей свою фами... Вить!!!

Надо отдать должное «старшему партнеру», просек он моментально.

– Ой, ё-моё! У нашей Иры фамилия девичья, а у Ирины Шалимовой это, возможно, фамилия мужа.

– Точно. Я из прошлой жизни помню, что наша Ирка ушла из школы после восьмого класса, слышала, что она вышла замуж и родила дочку, но новой ее фамилии никогда не знала, для меня она всегда оставалась Коваленко. На вечера встреч она не ходила, после школы мы с ней больше не общались.

– Давай, пожалуйста, примем как рабочую версию, что Ирина Шалимова – это наша Ира!

– Во как тебе нейдет, – засмеялась Лида. – Ну давай примем. Но пока для этого нет никаких оснований. То, что мы из одного класса, еще ничего не доказывает.

– Да нет, как раз доказывает, неспроста мы трое в одном классе кучкуемся. Что-то или кто-то нас специально в одном месте собрал, слишком стремительно меня перевели в вашу школу, все так быстро закрутилось – и папино повышение, и переезд, и мамин перевод на

новую работу. А вот по какой причине или с какой целью нас собирают вместе? Что-то там произошло, какой-то сбой, какая-то ошибка... Поэтому собрали нас всех в одном классе, может, им зачем-то надо, чтобы мы были рядом. И кстати, совершенно непонятно, как устранение этой ошибки может повлиять на нас, может, мы скоро начнем забывать, что и как с нами происходило.

– Нет, вот амнезий нам только не хватало! Я против.

– Сам не хочу. Но за мою теорию говорит тот факт, что кроме Василича ты слышала два имени, а я уже только одно. Значит, Ира, возможно, уже ни одного имени не слышала, и это как раз следствие устраняемой ошибки.

– Или это означает, что она была последней. Так как же мы узнаем, та ли это Ирина или не та?

– Я очень надеюсь, что голоса Василича и незнакомца она все-таки слышала. Осталось только у нее узнать.

– И ты, конечно, возьмешь на себя эту нелегкую задачу – пообщаться с красивой девушкой.

– Лид, не иронизируй!

– Ладно-ладно, какие влюбленные все нежные! Только, пожалуйста, сделай это максимально деликатно. Ведь если это все-таки не она, представляешь, что она про тебя подумает. И что потом о тебе будут говорить в классе.

Они съели еще по одному мороженому, и Лида пошла покупать акварельные краски. В четверг – занятие по акварели.

Глава 4

15 октября 1977 года

...Ее торопили. Ирина Максимовна чувствовала сильное волнение человека, который едва ли не кричал на нее, и она поверила. И она согласилась. Ну, раз надо, то надо, ничего не поделаешь. Если не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней. Если изнасилование неизбежно, постарайся расслабиться и получить удовольствие.

Все эти житейские мудрости вихрем прокрутились у Ирины Максимовны в голове, и она согласно кивнула. Потом, сообразив, что в той странной субстанции, в которой она себя ощущала, ее собеседник может этого не увидеть, повторила свое согласие вслух. Небольшой инструктаж. И услышала:

– Все, Василич, готово.

И тут же «очнулась» у прилавка в парфюмерном отделе универмага от окрика продавщицы:

– Девушка, вы что, уснули? Братъ будете?

Ирине пришлось выйти из магазина, чтобы подышать свежим воздухом и прийти в себя. Перемещение произошло! Кто бы мог подумать, что это все правда! Как же было страшно соглашаться, но страшнее было умереть в той, прошлой жизни. Зачем было так пугать беззащитную женщину? Какой же дурак в ситуации выбора «смерть или новая жизнь в молодом теле» не согласится пожить еще раз!

«А что это я делаю в магазине? Школу прогуливаю, что ли?» Ира спросила, сколько времени, у прохожего, поняла, что таки да, прогуливает, и решила, что в школу идти смысла нет. Школу она не любила. А за что ее любить? Училась Ира в прошлой жизни средненько, очень стабильно средненько. Пятерок у нее не было совсем, несколько слабеньких четверок – по пению, рисованию и труду – не могли заслонить стройные ряды троек по всем остальным предметам, даже по физкультуре. Про физру вообще отдельный разговор – если бы у Бориса Пальча не замасливался взгляд, когда Ира безнадежно висела на канате, то не видать ей было и тройки!

Она шла домой и замечала заинтересованные взгляды, которые бросали на нее прохожие, от совсем юнцов до зрелых мужчин. К таким взглядам она была привычна всю жизнь, она нравилась мужчинам и знала это очень хорошо. «Интересно, а в этой жизни я точно такая же, как в прошлой? Ну да, должна быть!» Ира замедлила шаг перед гастрономом и заглянула в большие стеклянные окна-витрины. Стройна, ноги длинные, юбка школьной формы короткая, жаль, лица в деталях в такое зеркало не разглядеть, но копна светлых длинных кудрей хороша! И она пошла дальше все той же легкой походкой, а ее упругие кудряшки держали в тонусе всех встречных парней.

...А дома Иру ждало много интересных открытий, и она даже представить не могла, что очень похожие открытия сейчас делала у себя дома ее одноклассница Лида.

1978 год

Вечером Лида приготовила праздничный ужин. Повод был серьезный – Лида вступила в ряды ВЛКСМ. В те времена это действительно все еще было событием, хотя взрослая Лида понимала, что иногда подростками двигало главное желание – получить право официально не носить сильно надоевший пионерский галстук.

Для начала пришлось почитать Устав ВЛКСМ, а кое-что и заучить наизусть. В соседнем книжном магазине книжечка устава продавалась за пять копеек. Дешевле только даром? Нет, были печатные издания и подешевле – отдельные материалы очередного съезда КПСС и решения пленумов в тоненьких, на несколько листов, брошюрах стоили копейки по три.

Всех кандидатов пригласили на заседание комитета комсомола школы, попросили рассказать биографию, предъявить рекомендации или одного члена КПСС, или двух членов ВЛКСМ (одну можно было заменить на рекомендацию совета пионерской дружины школы), погоняли по вопросам, которые потом им задавали в райкоме комсомола. В райкоме, в кабинете на первом этаже за длинным столом сидели несколько человек. Вопросы были стандартные – дата образования ВЛКСМ, что является высшим органом комсомола, права и обязанности комсомольца, перечислить ордена ВЛКСМ. Провокационных вопросов типа «сколько комсомольцев принимало участие в штурме Зимнего» не задавали. Комсомольские билеты выдавали без всякой торжественности – зашли по очереди в кабинет, где-то расписались, через пятнадцать минут девушка вынесла в коридор скопом все билеты и раздала, выкрикивая фамилии... Вечером праздничное угощение съели не все, остатки с треском за ушами умял на следующий день Витька, когда с соблюдением всех правил конспирации пришел к Лиде после школы.

– О, это просто какая-то потусторонняя еда!

– Именно. Рецепт принесен с той стороны, из прошлой жизни.

– А ты вкусно готовишь. Повезет кому-то. Ну, в смысле, уже повезло.

– Уверена, что и Ирка сможет тебя чем-нибудь вкусно порадовать. Кстати, об Ире – ты обещал рассказать подробности. Насладись, аудитория у твоих ног.

Вчера вечером Витя позвонил и рассказал, что он поговорил с Ирой. Его голос радостно звенел в трубке – это она! Сказал, что голос Василича она слышала, но больше никого. Что надо встретиться втроем, познакомиться, и обещал подробности про Ирку «письмом».

– ... А еще она сказала, что кроме имени слышала что-то вроде «офис продаж». Странно, правда, при чем здесь офис продаж? – Витька все облизывал и облизывал вилку, никак не хотел с ней расстаться. Пришлось ставить чай и делать бутерброд с маслом.

Вдруг Витька звонко хлопнул себя по лбу, хорошо хоть, не вилкой.

– Лид, а я ведь тоже что-то слышал, кроме имен, просто забыл тебе рассказать. А сейчас, рассказывая про Иркин «офис продаж», я вспомнил, что слышал слово «новостройка».

– Вот это пазлы складываются!

– Какие пазлы? Как складываются?

– Ее «офис продаж», твоя «новостройка» и мой пазл ЛЛМЗ. Ты забыл рассказать мне, а я забыла рассказать тебе.

– Ничего себе информация. «Офис продаж, новостройка, ЛЛМЗ». А что это может означать?

– Понятно, что это какое-то место. Я бы предположила, что это место нашей совместной «кончины». Тогда многое можно объяснить. Наверное, мы были вместе где-то, там что-то произошло, а в результате мы оказались здесь и сейчас.

– Железная логика. Значит, нужно найти это место сейчас, в 1978 году, может, это что-то даст в нашем расследовании.

– Ну, давай найдем. Только ты почему один пришел, договаривались ведь вместе встретиться.

– А я и не один. – Он взглянул на часы. – Ира обещала к трем прийти.

Пять минут четвертого Лиду оглушил дверной звонок. «Господи, когда же я привыкну!» Ира смущенно стояла на пороге.

– Да, проходи уже, ждем тебя.

Ира разделась, сняла шапку и тщательно поправила прическу, дождалась, пока кудряшки встали на свои места, и прошла вслед за Лидой на кухню.

– Чай будешь? Больше ничего не осталось, Витек все подъял.

Ирка почему-то напряглась и холодно сказала:

– Нет, ничего не надо. Я дома успела пообедать.

«Ага, дома! А портфель тогда почему дома не оставила, а с собой приволокла?»

Ира села в угол, словно отгородившись от них столом. Э, да она ревнует? «Нет, такая конфронтация мне не нужна, – решила Лида. – Нужно ее отвлечь».

– Ир, мы с Витькой рассказывали друг другу, с чем мы пришли из мира иного, так сказать. А с тобой что переместилось? Кроме дамской сумки – я по своему опыту догадываюсь, что из сумки и ее содержимого может получиться.

Ирка прыснула. Ну, уже хорошо, обстановка разряжается.

– Там со мной была приличная такая стопка каталогов «Эйвон», я немного подработывала этим. А здесь оказался немецкий каталог товаров «Отто», один, но такой же толщины. Теперь подружки в очередь встали, все хотят ко мне в гости, каталог полистать. Ну и так, по мелочи... А еще обидно, что золотые серьги, подарок мужа на годовщину свадьбы, превратились в маленькие желтые колечки с капельками, даже не золотые, их медицинскими сережками сейчас называют. Все равно ношу как память. Но самый главный бонус за перенос во времени – вот!

Ира порылась в портфеле, достала и разложила веером чеки Внешпосылторга.

– Наличка конвертировалась один к одному, серьезная сумма для этого времени получилась. А карта ВТБ-банка превратилась в чеки, тоже один к одному. Это была зарплатная карта, аванс только перечислили, я с нее ничего потратить не успела.

– Ну да, Внешпосылторг – это структура банка для внешней торговли СССР, сокращенно Внешторгбанка, то бишь ВТБ, – блеснул эрудицией Витя. – И чеки у тебя без полосы, повезло.

– А почему без полосы – это хорошо? – Лида ни в прошлой, ни в новой жизни чеков в глаза не видела.

Витька решил провести маленький ликбез:

– Чеки были, то есть сейчас есть, трех сортов. С синей полосой получают те граждане СССР, которые работают в соцстранах, с желтой – в странах третьего мира. Но чеками «самой первой свежести», как та осетрина, являются чеки без полосы, для работающих в капстранах. Там сложная система коэффициентов, в общем, без полосы самые выгодные. У тебя почему-то оказались самые ценные чеки, ты их припрячь, не свети пока.

– В портфеле за подкладкой держу, портфель из рук не выпускаю и глаз с него не свожу.

Витька о чем-то задумался. Выражение лица у него было такое, словно он мечтал стать Иркиным портфелем – лежал бы у нее на коленях, а она с него глаз не спускала бы... Он тряхнул головой, решил, что девчонки достаточно потратили время на глупости, и взял инициативу в свои руки:

– Мы уже обсудили новые данные, и те, что ты дала, и Лида, оказывается, на информации сидела, забыла поделиться. Словом, что мы имеем... – И Витька пересказал ей разговор с Лидой и их соображения. – В результате получаем место, где, возможно, мы все дружно или по очереди оказались участниками некоего эксперимента по перемещению во времени. Так как ни причины этого события, ни цели экспериментаторов мы не знаем, то единственное, что пока представляется реальным, – найти место действия. Лида, у тебя вроде бы есть какие-то соображения, ты что-то про складывающиеся пазлы говорила.

Витька налил себе чаю, посыпал сахару на бутерброд с маслом, сначала одним огромным откусом отправил половину бутерброда в рот, но потом заработал челюстями деликатно, стараясь не чавкать, потому что заметил замороженные взгляды, какими Лида с Ирой провожали

каждое его движение. Только Иркин взгляд был влюбленным и ревнивым, а Лидин озабоченным. «Что же еще предложить, ему же еды осталось секунд на сорок пять...»

– Да, у меня есть мысль, что это за место. Я практически уверена. Ты, Вить, из другого района к нам переехал?

– Да, из Сокольников.

– И в прошлой жизни там жил?

– Да.

– А ты, Ир, когда замуж вышла, здесь осталась или переехала в другой район?

– Переехала к мужу в Бибирево, живу, то есть жила, там до сих пор, правда, уже одна, муж умер два года назад...

– Вот! А я всю жизнь в Люблино прожила. Поэтому люблинские новости, в отличие от вас, я хорошо знаю. А вы, видимо, не знаете, что в 2020 году на месте Люблинского литейно-механического завода, который за несколько лет до этого благополучно обанкротили, построили новый жилой микрорайон. От всего завода осталось одно заводоуправление, в котором и располагался офис продаж.

Сказать, что эта новость произвела на Лидиных друзей впечатление, – ничего не сказать. Они сидели оба с открытыми ртами. Но если Ирочка даже в этой ситуации выглядела как картинка, то у Витьки из открытого рта чуть не вывалился последний кусок, правда, надо отдать должное его реакции, рот он захлопнул вовремя.

– А ведь я про это знал! – Витя задумчиво дожевывал бутерброд. – Только забыл.

– И я сейчас вспоминаю, что там была, – удивленно подняла глаза на Витьку Ира.

– Значит, это место – единственное, что связывает нас с 2020 годом.

– А это значит, что надо подобраться к заводоуправлению и попытаться найти какие-нибудь улики, хоть что-то, что могло бы связать нас с 2020 годом и этим Василичем. – У Витьки загорелись глаза. – У меня отец работает в заводоуправлении. Его же назначили заместителем начальника завода.

– И у меня папа тоже в этом здании работает, в конструкторском бюро.

– А у меня мама работает там, в заводской библиотеке, Ира заметно воодушевилась. – Я часто к ней на работу прихожу, я в этой библиотеке записана.

– А я вот к папе ни разу не приходила, – огорчилась Лида. – Ну что ж, найдем повод. Скажу, что в школе сочинение задали про работу родителей.

– А что искать в заводоуправлении?

– Что угодно, любое подозрительное, непонятное. Включаем интуицию и вынюхиваем. – Витька принял на себя командование маленькой армией. – Даю времени на первую разведку – неделю.

– Мало, дай две!

– Хорошо, две недели. – Витька поднялся к отрывному календарю. – Значит, следующая встреча 14 февраля. Ну и конечно, если выясняется что-то важное досрочно – созваниваемся и встречаемся. А сейчас, – он с сожалением оглядел пустую тарелку и кружку, – можно расхотиться.

Все пошли в прихожую. Двоим обуваться-одеваться было тесновато.

– Вить, ты иди, а нам с Ирой еще нужно немного поговорить. О своем, о девичьем.

Ира бросила на Лиду быстрый удивленный взгляд, но ничего не сказала. Не сумев скрыть огорчения, Витя ушел. Но Лида была уверена, что он ждал ее в подъезде и пойдет провожать до дома.

– Ир, ради бога, давай расставим все точки над «i». Не ревнуй! Это так заметно, что погоришь на этом. Поверь, у тебя нет никаких оснований беспокоиться на этот счет – мы просто друзья по несчастью, причем в буквальном смысле. – Лида горько усмехнулась. – Даже если бы

я и захотела, у меня против тебя не было бы шансов, потому что он влюбился в тебя с первого дня, я это точно знаю.

Ирка с радостным воплем заключила Лиду в жаркие объятия. Дурдом! Все влюбленные идиоты, Лида и сама была такой в прошлой жизни, и не раз. А когда Ира ушла, Лида подошла к окну и, отодвинув занавеску, посмотрела на две фигурки, идущие под снегопадом, взявшись за руки.

Кажется, они уже близко. Я просто спинным мозгом чувствую, что они скоро встретятся. Вот только где они? Как их найдем в большом городе? Что предпринять? Или не суетиться и просто ждать, пока постхроносивязь (так, кажется, ее старик называл) приведет их ко мне или меня к ним...

На следующий день Лиде позвонила бабушка, папина мама, и сказала:

– Я испекла твое любимое сметанное печенье. А дед наварил холодца. Приходи, долго это тебя ждать не будет.

Бабушка Поля была из семьи мельников, и, наверное, это отразилось на ее кулинарных предпочтениях и увлечениях – печь она любила и умела. А родители дедушки Никиты держали скотобойню, поэтому без мяса в их семье, а потом и в семье Лиды не ели. Но самый вкусный холодец готовил дед, ни у кого другого так не получалось, пальчики оближешь!

И после школы Лида забежала к бабушке с дедушкой в гости. В квартире пахло сдобой, блюдо с горкой печенья стояло на буфете. «Что за прелесть этот буфет! За такой я в прошлой жизни дорого дала бы. Интересно, куда его потом дели? Скорее всего, на помойку. Жалко!» Но, конечно, печенья ей не дали, пока не пообедает. Почему самый вкусный куриный супчик – у бабушки? Лида была уверена, что это из-за домашней лапши, которую бабушка всегда делала сама, своими руками. Одну тарелку она съела на первое, вторую тарелку на второе. Про холодец Лида тоже не забыла. Она съела огромный кусок на закуску. Думала, что после этого печенье в нее уже не влезет, но неверно рассчитала свои силы – влезло за милую душу!

Уютно пили чай в комнате за круглым столом.

– Деда, а ты ведь тоже в свое время на ЛЛМЗ работал, как мама и папа?

– Да я много где работал...

– А с папой тебе не пришлось вместе работать, бывают же совпадения?

– Нет, мы работали не вместе, в разных отделах, но в одном здании.

– В заводоуправлении?

– В заводоуправлении.

– Ой, а я там ни разу не была. А что там на первом этаже? А что на втором?

– На первом конструкторское бюро, еще несколько отделов, библиотека с отдельным входом. А на втором кабинеты начальства, парторга, комсорга, ну и так далее. А тебе зачем это?

– Значит, папа на первом этаже работает? Нам в школе задали сочинение написать про работу одного из родителей. Я вот думаю о папе написать. Было бы здорово к нему на работу сходить. Как думаешь, он разрешит? Я сегодня вечером хотела просить его об этом. Ты поддержишь меня, если что?

Славный дед. Лида помнила его добрым, заботливым, любящим. Работал всю жизнь с ранней юности, воевал, семь ранений(!) – первое в августе 1941 года, последнее в апреле 1945-го под Будапештом; медалям тесно на парадном пиджаке. Ему осталось уже меньше года; когда он умрет, Лиде еще не исполнится пятнадцать, бабуля переживет его на много лет...

«Пиши про маму», – упрямылся папа и никак не хотел, чтобы Лида приходила к нему на работу. Но дедуля сдержал слово и оказал поддержку. С папой договорились на четыре часа. Лида пришла в заводоуправление, он встретил ее на входе. Вахтер с бравыми усами, как у Буденного, спросил: «Ты к кому, деточка?» – и удовлетворился папиным: «Это ко мне». Они

шли по коридору, несколько раз поворачивали; Лида и не думала, что внутри столько коридоров, снаружи заводоуправление не казалось слишком большим. Она шла с фотоаппаратом наперевес и прислушивалась. К чему? Сама не знала, что хотела услышать, может, то самое характерное гудение, что возникало в ее в голове каждый раз, когда она вспоминала злополучный эксперимент по переброске во времени? Но слышала девочка только собственный зачистивший пульс.

Конструкторское бюро оказалось большим открытым помещением, потом такие назовут на иностранный манер «опен спейс». Папа показал дочке свое рабочее место – кульман, письменный стол и стул. Они прошли по рядам, и Лида здоровалась с папиными коллегами, а сама прислушивалась, не раздастся ли гудение. А еще принюхивалась, вернее, наоборот, старалась не принюхиваться, потому что о существовании дезодорантов здесь представления не имели, амбре стояло как в казарме. В итоге результат оказался нулевым, если не считать три шоколадные конфеты, четыре карамельки, два простых карандаша, мягких, заграничных, и ластик со слоном – папины коллеги улыбались, шутили, надали кто что и приглашали после школы к ним работать. Напоследок Лида сделала несколько портретных фото и снимков папы за кульманом. И конечно, сделала общий снимок папиных коллег, пообещав каждому по фотографии. Уходила огорченная, но надежду не теряла, ведь еще есть Витя и Ира, может, им больше повезет.

Так и случилось.

Часть вторая

В поисках машины времени

Глава 1

...Витя, Ира и Лида втроем тайком пробрались в заводскую библиотеку. Ира вытащила у мамы из сумки ключи, и они, никем не замеченные (охраны на входе в библиотеку не было и в будущем, и тем более сейчас), открыли дверь. Коридоры были пустынные и темные; страшный скрип старых половиц не сильно смущал – ночью здесь не было ни читателей, ни библиотекарей. Как ей удалось узнать, где находится машина времени, Ира рассказать не успела, но сейчас она вела их в самый дальний зал, где по иронии судьбы хранилась как раз научная и научно-фантастическая литература. Им нужен был старый формулярный шкаф. Кто бы мог подумать, что Ирке удастся узнать, где находится машина времени, и кто бы мог представить, что вся эта машина умещается всего-навсего в одном ящике старого шкафа с архивными формулярами.

Витя велел на всякий случай не включать свет и осветил фонариком небольшое помещение со стеллажами и громоздкий шкаф в углу. Он! Друзья, забыв дышать, приблизились к нему. Вид он имел самый обыкновенный, с самыми обыкновенными забитыми до отказа выдвижными ящичками. Но Ира сказала, что в нижнем правом ящике лежали не формуляры! Витька присел на корточки, решительно протянул к ящику руку.

– Нет, Витя! – вскрикнула Ирка.

Витька дернулся всем телом и, потеряв равновесие, шлепнулся на пятую точку.

– Ты что?

– Я боюсь, может, не надо?

– Тьфу на тебя, испугала, – зло зашептал он, поднимаясь. – Как это не надо? А зачем мы тогда сюда пришли?

– Откуда мы знаем, что случится, если этот ящик открыть! – паниковала Ирка.

– Послушайте, а мне вот что странно: разве этот ящик никогда не открывали? Ведь библиотекари, наверное, им пользуются, и ничего не случается. Так с чего ты взяла, что когда мы его откроем, то увидим машину времени? – засомневалась Лида.

– Вить, сколько времени? – вместо ответа спросила Ира.

Витя поднес фонарик к наручным часам.

– Без одной минуты двенадцать.

– Ой! Ребята, я вам потом все подробно расскажу, но сейчас надо срочно что-то решать. Я точно знаю, что увидеть в ящике машину времени могут только те, кто перемещался во времени, для всех остальных там будут просто старые формуляры. Я ужасно боюсь, но ящик нужно открыть обязательно до двенадцати. Потом наступят следующие сутки, и все!

– Что все? – не поняла Лида.

– Ну, видимо, что-то не очень хорошее, – отозвался Витя. – Так, не тормозим, секунды уходят! Открываем?

Ира на всякий случай встала за спиной у Лиды. Девчата робко кивнули и устались на Витю заторможенно, как кролики на удава. И, затаив дыхание, смотрели, как он потянул ящик на себя. Лида стояла, не в силах оторвать взгляда от Витькиных рук, поэтому в самый последний момент заметила, что минутная стрелка на Витькиных часах стояла уже на одно деление вправо – одна минута первого! И из раскрытого ящика раздался оглушительный трезвон...

...Будильник! Зараза!!! Почему в их доме все, что может звенеть, звенит так пронзительно, громко и раздражающе? Разве можно будить человека таким трезвонком, так на весь

день настроение испортить можно. Вот в прошлой жизни у Лиды в телефоне, на будильнике, стояла «АББА», одно удовольствие было просыпаться под их дивную мелодию. А сейчас вставать совсем не хотелось, а хотелось досмотреть сон, ведь там, в отличие от действительности, разгадка тайны была гораздо ближе. Лида поставила будильник на место, он показывал уже одну минуту восьмого, значит – подъем!

Действительность оказалась суровее сна. Ира, как и Лида, осталась у разбитого корыта. Ничего ей в библиотеке узнать не удалось, никакой машины времени в формулярном ящике, конечно, не существовало. Когда девочки рассказывали о своих неудачах Вите, он с удовольствием оказал подружкам моральную поддержку: Лиде – ободряющим взглядом, Ире – нежным поглаживанием белокурого локона.

А вот самому Витьке повезло больше.

– Я уже несколько раз был у отца на работе сразу после его назначения и хорошо ориентировался на втором этаже. Поэтому, когда пришел туда специально с целью поиска чего-то необычного, мое внимание сразу привлекла эта дверь. С виду обычная дверь, довольно старая, словно про нее забыли во время ремонта и не поменяли, как все остальные двери. Она была покрашена масляной краской в несколько слоев, и видно было, что она давно уже не открывалась. Находится она между кабинетом отца и кабинетом комсорга. Я прошел бы мимо этой двери, ничем не примечательной, если бы не одно обстоятельство – из-за двери слышался тихий гул. Вряд ли на этот гул обращают внимание, он еле слышен, это я специально прислушивался. Гул похож на гудение какого-то электроприбора или даже нескольких сразу. Но что это за дверь, мне узнать пока не удалось, открыть ее тоже не удалось. Спросил у отца, но он не в курсе, разве ж до неприметных дверей заместителю директора завода!

Обо всем этом Витя рассказал 15 февраля. 14-го встретиться не удалось. Сначала Лиде позвонил Витя и сказал, что никак не сможет, потому что ему надо съездить в «одно место», а потом позвонила Ира и наплела что-то про больную бабушку в Ясенево. Конспираторы! Знала Лида, где это Ясенево, наверное, на улице Горького, и называется оно кафе «Космос». А где еще встретиться влюбленным 14 февраля, не все же за углом школы целоваться? Простояли на холоде, наверное, час, а то и два, чтобы войти в кафе. И это им еще повезло, что в советские времена никто и не знал про Валентинов день, а то вообще бы попасть не смогли.

И вот 15 февраля Витя закончил свой доклад на оптимистической ноте.

– Я туда обязательно схожу еще и поговорю с комсоргом, может, он что знает про соседнюю дверь. Вот прямо завтра, – пообещал Витя.

Но, видимо, прямо завтра у Витьки не получилось, потому что общий сбор он протрубил только через несколько дней. Встречались у него. Лида была у Вити впервые. Так уж получилось, что чаще всего собирались у нее, потому что она жила ближе всех к школе.

Ничего так живут заместители директоров заводов. В своем прошлом детстве Лида никогда не обращала внимания на разницу в достатке. А сейчас бросилась в глаза огромная разница между их маленькой двушкой со скромной мебелью: сервантом, старым диваном, полированным шкафом – и большой трехкомнатной квартирой с румынской стенкой и японским музыкальным центром на почетном месте в центральной нише этой стенки.

Ира чувствовала себя у Витьки дома как в своей тарелке, а тот великолепно играл роль радушного хозяина. Видимо, прошлая жизнь научила его готовить – пожарил сковородку докторской колбасы, хорошо пожарил, до золотистой корочки, а на другой сковороде – яичницу, Лида тоже так любила, чтобы желток оставался жидким. Из холодильника он достал свежий огурец, большой, тепличный – и это в феврале! Когда он его резал, на кухне стоял такой аромат! Лида помнила этот аромат из детства, аромат первого свежего огурца в сезоне, от которого кружилась голова.

– Комсорг, Игорь Осадчий, явно замешан. – Витька хрустнул огуречным кружочком. – Встретил его в коридоре, как говорится, прижал к стенке. Спросил его про дверь, он сначала

хотел от меня отмахнуться, что, говорит, за мелочь пузатая мне тут допросы устраивает. Но я почувствовал, как он напрягся, сделал вид, что торопится, пытался просочиться в свой кабинет. Врешь, от меня так быстро не отделаешься, я настойчивый, увязался за ним! А когда я стал интересоваться, что за дверь у него в кабинете и не ведет ли она как раз в то неучтенное помещение с заколоченной дверью, то Игорь явно запаниковал, наорал на меня, сказал, что это не мое дело, что он не знает, что это за дверь, а потом, видимо, на ходу придумал, что это дверь в архив заводского комитета комсомола.

– Дело ясное, что дело темное. Давайте так. Чтобы убедиться, что там нет никакого архива, я попрошу маму поговорить с начальником архива завода, они приятельствуют и по работе контактируют. Я наплету что-нибудь маме, пусть она узнает, где находятся архивные документы комитета комсомола.

Лида была уверена, что, будь там архив, обустроили бы это помещение по-другому, с отдельным входом, табличку повесили бы, и уж тогда точно ничего бы там не гудело. «Ирка молодец, дело придумала. Что-то я не помню, чтобы она в прошлой жизни была так умна. Пусть получит подтверждение об отсутствии там архива, чтобы, не дай бог, нас потом не обвинили в пропаже каких-нибудь документов».

– Вить, думай, как подобраться к кабинету комсорга и зайти в эту внутреннюю дверь. А самого этого Осадчего надо как-то выманить из кабинета на подольше...

– Лида Симагина и Наташа Малинкина, подойдите ко мне сегодня после уроков. – Классная, Нина Ивановна, пришла на алгебру с таким вот таинственным объявлением.

Оказалось, что Лиде с Наташей поручили подготовить и провести радиопередачу из школьного радиоузла. Кто-то креативный (ой, такого слова сейчас нет в словаре советских школьников) придумал поздравить мужскую половину школы с 23 февраля. На подготовку дали всего четыре дня; Нина Ивановна, заметно нервничая, теребила сценарий. Фигня, справимся, решила Лида, там уже все расписано на два голоса.

– Здравствуйте, ребята! В эфире – школьный радиоузел. Приглашаем вас послушать передачу, посвященную Дню Советской армии и Военно-морского флота.

– 23 февраля – особенный праздник...

На репетиции записали все на магнитофон, чтобы прослушать и, если надо, исправить ошибки. Из допотопного даже для этих времен магнитофона «Яуза» (это все, чем могли оснастить кабинет английского языка в обычной школе безо всякого уклона) доносились два голоса – один Наташкин, а другой – чей? Лида сразу не сообразила, что это ее текст. Только вот кто его читает? «Ба, да это мой детский голос!» Лиде оказалось проще, она-то в прошлой жизни свой голос в записи частенько слышала, а вот реакция Наташки – недоумение и шок. Лидин голос она узнает, а от своего отрекается.

– Это не может быть моим голосом, он совершенно не похож, фу, какой противный!

Лида знала по опыту, что с этим нужно просто смириться и принять как данность. Наташе сложнее, она сейчас испытывала нешуточный культурный шок.

Нина Ивановна стояла и посмеивалась над ними.

– Девочки, соберитесь, давайте запишем последнее и по домам.

– У микрофонов были ученицы 7-го класса «В» Малинкина Наташа...

– И Симагина Лида. До новых встреч, друзья.

Хорошо, что первая передача пойдет в эфир в записи; плохо, что Нина Ивановна уверена, что будут и следующие передачи, – уж больно много времени они отнимают. Но придется терпеть – для кружка юных журналистов опыт радиовыступлений пригодится.

...Ирка узнала, что никаких архивов в здании заводоуправления нет, а Витька придумал, как выманить комсорга из кабинета на пару-тройку часов.

– Отправим его в городской комитет ВЛКСМ, например, в кабинет номер 3 к 15:30 такого-то числа. Он потолкается там, решит, что это какая-то накладка, и, может, уже не станет возвращаться. Но даже если вернется, мы вполне успеем все обследовать.

– А как ты собираешься сообщить ему о несуществующей встрече?

– Надо подумать.

– Я могу по местному радио объявление дать, у меня есть опыт радиовыступлений. – Тут Лида, давясь от смеха, противным голосом прогнусавила: «Внимание-внимание, комсорга завода вызывают в городской комитет...»

– Лид, а более реальные предложения есть?

– Можно записку левой рукой написать. – Ира смутилась, когда Лида с Витькой повернули к ней лица с одинаково приподнятыми бровками-домиками.

– Нет, здесь не писать, а печатать надо. У меня же и машинка есть, только я никогда на ней не печатал.

– Эх, что бы вы без меня делали! Снимай чехол.

Они сидели в Витькиной комнате, где на письменном столе стояла портативная «Москва». В прошлой жизни в старших классах в учебно-производственном комбинате Лида занималась в группе машинописи и делопроизводства, так что печатала она всю свою сознательную жизнь слепым методом. Но пишущая машинка, да к тому же механическая, – это вам не клавиатура компьютера. Пока не приновилась, испортила несколько листов, сломала несколько ногтей и до красноты отбила подушечки пальцев. И Витька, и Ирка, конечно, тоже порезвились за машинкой, печатая «Витя и Ира были здесь». Но через час записка была готова, все честь по чести. Вот только не смутит ли получателя то, что отпечатано на простом листе, а не на бланке? Оставалось надеяться, что он не обратит на это внимания.

Расставшись с друзьями, Лида побежала в парикмахерскую. Работали четыре мастера, очередь в зале ожидания всего пять человек, большая удача – уже через час-полтора был шанс сесть в кресло. А вот в мужской зал был аншлаг – видимо, мужчины торопились к 23 февраля стать не только мужественными, но и вызвать к себе дополнительный интерес ухоженной внешностью; еще и побреются двадцать третьего с утра обязательно, и все, никаких маникюров, никаких соляриев – про метросексуалов в эти времена не слыхивали. Лида заняла очередь в женский зал и, чтобы не сидеть без дела, сбегала в хозяйственный магазин на перекресток, вдруг какой дефицит выкинули?

...Вечером, когда Лида с мамой вернулись домой, папа сидел с паяльником над новым приемником, который он собирал уже не одну неделю. Папа у Лиды был большой радиолобитель, сколько «мыльниц» он собрал для себя, дедушки и других родственников! Про этот транзистор Лида помнила, что это будет не «мыльница», а большой радиоприемник, папа пытался на нем слушать вражеские немецкие голоса. «Голос Америки» и «Би-би-си» постоянно глушили, а вот «Немецкую волну» эта напасть почему-то часто миновала.

В большой комнате было накурено так, что сизый дым был осязаемо плотным и слоями висел в воздухе.

– Хоть топор вешай! – воскликнула мама в сердцах. – Леня, имей совесть! Я каждый месяц тюль стираю, думаю, от чего это он так желтеет.

– Желтеет он оттого, что дом на оживленной дороге стоит, – парировал папа.

Такие пикировки Лида слышала постоянно. Мама безуспешно пыталась хоть как-то уменьшить количество выкуриваемых папой сигарет, болгарских, без фильтра, «Слънце», солнце то бишь. А дом их стоял на Ставропольской улице, действительно очень оживленной, в то время эта улица была едва ли не единственной, которая напрямую вела из Люблино к окружной. А еще по дороге к МКАД был военный городок, там располагалось училище кремлевских курсантов и замечательно снабжаемый универмаг. Во время подготовки к военным парадом на Красной площади из этого училища мимо их окон по ночам шли колонны армей-

ской техники. Утром родители рассказывали, как от грохота танков и прочих БТР дрожали стекла и звенел хрусталь в серванте, а Лида спала. В детстве она очень крепко спала. И сейчас, в своей новой жизни, Лида снова спит, хоть из пушки пали, как дразнила ее мама.

Папа был увлечен, но все равно оторвался, чтобы посмотреть, как подстригли дочку. В прошлой жизни в этом возрасте Лида всегда была подстрижена очень коротко, мама считала это практичным. Сейчас же на ней красовалась одна из самых модных стрижек того времени, «под пажа». Весь вечер Лида бегала к зеркалу в коридор, то есть в прихожую, чтобы полюбоваться собой, ей нравилось, она казалась себе уже совсем взрослой...

На следующий день после уроков Лида поехала на Красную площадь сделать фото для школьной стенгазеты – поздравления с 23 февраля. Сняла памятник Минину и Пожарскому со спины на фоне кремлевской стены и красного флага. Так сказать, история защиты отечества с древних времен до наших дней.

Эту фотографию поместили в стенгазете, Лиде пришлось поучаствовать, наклеивать на почетное центральное место. Еще один плюсики в ее журналистское будущее, и участие в выпуске школьных стенгазет при поступлении пригодится...

Конкурс патриотической песни приурочили к 23 февраля. Их трио стояло за кулисами, Лида смотрела в щелочку штор на переполненный зал. Когда объявили их выступление, вышла вместе со всеми на негнущихся от волнения ногах на сцену и думала, что не сможет выдать из себя ни одного звука – в горле от волнения скребло, пришлось деликатно прокашляться. Витька заиграл вступление... Пришла в себя Лида только когда зал взорвался аплодисментами. Оказывается, они уже спели, и спели здорово! И заняли второе место («Ха, мне обещали, что ничего не повторится, а место снова второе»), не сумев переплюнуть только 8-й класс «А» с их музыкально-литературной композицией по «Малой земле» Брежнева...

Витька подошел к ним в раздевалке перед первым уроком и с заговорщицким видом сказал только одно слово: «Сегодня». Сразу после уроков, побросав портфели у Лиды дома, они поехали на ЛЛМЗ; на шестьдесят третьем троллейбусе – всего пять остановок.

Лида до сих пор не привыкла, что на наземном транспорте нет турникетов и валидаторов и что нужно всегда заботиться, есть ли у тебя деньги на билетик. Если набилось много народа, попросить соседа: «Передайте на билетик, пожалуйста» или самому опустить пятак (если в автобусе), четыре (если в троллейбусе) или три копейки (если в трамвае) в билетную кассу, покрутить колесико сбоку, отмотать и оторвать билетик. А если пятак нет, то подождать следующего пассажира, успеть крикнуть «Не опускайте, пожалуйста!», взять у него пятак и опустить в кассу свой гривенник...

В заводоуправление прошли без задержек, вахтеры уже хорошо знали Витю и сразу пропустили. На втором этаже в коридоре никого не было, Витька уверенным шагом пошел к кабинету комсорга и решительно дернул дверь. Не заперто! Значит, Осадчий планирует вернуться на работу, времени терять было нельзя.

В кабинете Лида как-то оробела, не отпускало ощущение, что они воришки какие-то. Немного давила номенклатурная помпезность – деревянные панели на стенах, ковровая дорожка, огромный стол с тройкой телефонов, портрет Брежнева на стене. Но Витька совершенно не комплексовал, энергично прошел к внутренней двери, которая, судя по всему, вела в смежное помещение. Прижался ухом, послушал, и Лида с Ирой тоже приложились к холодной деревяшке. Действительно, из-за двери слышался какой-то звук, то ли шуршание, то ли шелест и легкое гудение какого-то аппарата. Даже особо ни на что не надеясь, Витя потянул дверь на себя. А она вдруг свободно поддалась. И открыла вид на очень интересное зрелище.

Всю небольшую, метров восемь-девять, комнату занимали магнитофоны, большие катушечные «Юпитеры», и на всех крутились катушки, или, по-модному, бобины. Звука не было, а был слышен только шелест пленки и гудение магнитофонов. Лида даже не знала, что она

тут рассчитывала увидеть, но от этой картины остолбенела. Как-то мало это было похоже на машину времени, да и Василича с его таинственным собеседником там не оказалось. Но кто-то все-таки в комнате обитал, и это на его простуженное сопение все дружно повернули голову. В дверях стоял какой-то бесцветный, с длинными волосами, светлыми глазами парень неопределенного возраста, может, лет двадцати— двадцати пяти, и ошарашенно смотрел на них. С не меньшим изумлением друзья таращились на него. Парень был им незнаком, хотя точно утверждать никто бы не взялся, так как лицо его было совершенно невыразительным и «типическим-типическим», такие лица забываешь, едва от них отвернешься.

Первым опомнился Витя и взял инициативу в свои руки:

– Ты кто такой?

– Петр, – просипел парень, но тут же пошел в контратаку. – А вы кто такие?

– Петенька, представьтесь-ка по полной! – В голосе Витьки сначала елей, потом металл.

– Какой я вам Петенька? – Кажется, он уже пришел в себя после неожиданного появления этих наглых подростков. – Для вас, малявки, я Петр Васильевич!..

Вот черт! Да это они! Надо же, какая встреча. На ловца, как говорится. А они не слишком сильно изменились, узнать вполне можно. И молодые они гораздо симпатичнее пенсионеров, особенно вот эта, темненькая... Вся троица в сборе, все произошло именно так, как я и предполагал. Вот только теперь из-за них меня с этой работы попрут, и Игорю такой бизнес перспективный из-за них придется похерить...

Глава 2

...Что-то не складывается, не тянет этот Петр на Василича, которого, конечно, никто не видел, но вот голос... Лида была уверена, что узнала бы голос Василича из тысячи. И это был не его голос. Она вопросительно оглянулась на Витю, он отрицательно покачал головой – нет, не тот. Да к тому же он почему-то не кричит возмущенно, а приглушенно шипит.

– А ну давайте отсюда! Что вам здесь надо? – шептал он, но, похоже, сдавать их он не собирался. – На минутку отлучиться нельзя, тут же залезли в чужой кабинет. Проваливайте!

– Что у вас с голосом, простыли? – В голосе Лиды – ни капли сочувствия, только ядовитая издевка. – Может, помочь вам позвать кого-нибудь на помощь, чтобы нас из кабинета вывели? Или вы стесняетесь, потому что своему кабинету не хозяин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.